

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

МИХАИЛ ИШКОВ

ТИТ АНТОНИН ПИЙ

Тени в Риме

Михаил Никитович Ишков
Тит Антонин Пий. Тени в Риме
Серия «Всемирная история в романах»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49227091
Тит Антонин Пий. Тени в Риме. Роман: Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8071-3

Аннотация

Среди правителей было множество великих и ничтожных, но добродетельных – единицы, среди которых – римский император Антонин Пий. Возможно, поэтому на долю именно Антонина Пия выпало необычное противостояние – сражение с тенями. Однако это не тени, ставшие символом пустых страхов. Тени, наползающие на Вечный город, являются первыми предвестниками мятежа и гражданской войны. А вместе с ними в Риме появляется таинственная и опасная секта, члены которой, если верить слухам, умеют превращаться в тени и воздействовать на чужой разум.

Содержание

Об авторе	5
Тит Антонин Пий. Тени в Риме	9
Пролог	18
Часть I. Игра теней	48
Глава 1	48
Глава 2	56
Глава 3	73
Глава 4	83
Глава 5	98
Глава 6	105
Глава 7	115
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Михаил Никитич Ишков
Тит Антонин Пий
Тени в Риме
Роман

Об авторе

Современный русский писатель Михаил Никитович Ишков родился в 1947 году в Германии в семье офицера Красной армии. Но по возвращении в Советское государство его отец указал в анкетных данных другое место рождения сына – село Михайловка в Алтайском крае. После войны в подобной ситуации так поступали многие красноармейцы, чтобы не портить биографию своим детям.

С 1951 года семья поселилась под Москвой, в Подольске. Здесь будущий писатель окончил среднюю школу. В 1969 году после учебы в московском вузе Михаил получил диплом инженера-аэрофотогеодезиста и отправился работать на Север, в Ухту. В 1972 году вернулся в город своего детства и, замыкая круг, устроился на родной завод, возле стен которого вырос. Тогда же поступил в Литературный институт им. М. Горького на заочный факультет, а после его окончания в 1983 году работал в издательстве «Современник». В 1990 году перешел в издательство «Советский писатель», здесь трудился до 1992 года в должности старшего редактора, заместителя заведующего редакцией русской советской прозы, заведующего редакцией. Серьезным литературным дебютом Михаила Ишкова можно считать сборник повестей и рассказов «Краеугольный камень», вышедший в 1991 году.

С перестройкой основная издательская карьера закончилась, наступили трудные времена. Приходилось браться за разную работу, включая торговлю, а заодно и заниматься пе-

реводами с английского популярных фантастических романов. За эти годы Михаил убедился, что самое главное в жизни – согласие с самим собой, вот почему, как рассказывает сам писатель, он наконец решился воплотить в жизнь свою заветную мечту – написать исторический роман. В 1998 году вышла его первая книга о Кортесе, а следом – роман о таинственном графе Сен-Жермене. Затем в поисках радости Михаил Ишков отправился в литературное путешествие по Древнему Вавилону и воинственной Ассирии, о чем составил многостраничные описания в романах «Навуходоносор», «Валтасар. Падение Вавилона» и «Семирамида. Золотая чаша». Творческий визит писателя в Древний Рим пришелся на самое захватывающее и непостижимое время, названное потомками «золотым веком». Это столетие от воцарения Траяна и до гибели Коммода оказалось первым в истории человечества отрезком, когда подданные попали под власть самых образованных и мудрых правителей. Их было пятеро – знаменитый Траян-законник, его последователь, строитель Пантеона и поэт Адриан, рассудительный и самый незлобивый из императоров Антонин Пий, философ на троне Марк Аврелий и, как черная клякса на белом, гнусный Коммод, попавший в когорту самых известных злодеев Древнего Рима. Их судьбам Михаил Ишков посвятил несколько больших романов.

Среди других ярких работ писателя – исторические триллеры о самом загадочном человеке двадцатого века Вольфе

Мессинге («Супервольф») и не менее загадочном изобретателе Николе Тесле, якобы взорвавшем над Сибирью Тунгусский метеорит («Никола Тесла. Изобретатель тайн»).

В настоящее время Михаил Ишков по-прежнему живет в Подольске, он полон идей, творческих сил и неустанно продолжает исследовать и преодолевать все новые и новые горные высоты и тайные тропы мировой истории.

Избранная библиография Михаила Ишкова:

«Краеугольный камень» (1991)

«Кортес» (1998)

«Сен-Жермен» (1998)

«В рабстве у бога» («Знак оборотня») (1999)

«Навуходоносор» (2001)

«Валтасар. Падение Вавилона» (2002)

«Марк Аврелий» (2003)

«Коммод» (2005)

«Траян» (2005)

«Адриан. Имя власти» (2008)

«Семирамида. Золотая чаша» (2010)

«Вольф Мессинг» («Супервольф») (2010)

«Никола Тесла. Изобретатель тайн» (2010)

Тит Антонин Пий. Тени в Риме

Удивительная история случилась с этим сочинением, которым я рассчитывал закончить серию романов о «Золотом веке».

Роман о наследнике Адриана Антонине Пие был на три четверти готов, когда я начал внезапно, с исступлением мажорки «вырезать», а не «копировать» требующий сохранения текст.

Все файлы подряд!..

Будто из тени подтолкнули!

Довырезался до того, что, когда перенес на домашний компьютер все сопутствующие материалы с других процессоров, жесткий диск возьми и сломайся. Так до сих пор и лежит у меня на полке. Оживить его даже самым опытным профессионалам оказалось не под силу, так что у меня исчезло все, что было связано с этим персонажем – от черновики и вспомогательных записей до окончательного варианта текста.

Самое время задуматься...

Я задумался!

Вот что тогда пришло в голову – это был ответный, расчетливый удар таинственной незримой силы. Для такого вывода у меня были все основания, ведь всего за год до этого судьба с тем же изощренным коварством улыбнулась мне.

...Работая над предыдущим романом об императоре Адриане¹, мне отчаянно не хватало материала. В библиографии я наткнулся на роман известной французской писательницы М. Юрсенар «Воспоминания Адриана», а также на сочинение малоизвестного у нас немецкого писателя Г. Эберса «Император». Текст М. Юрсенар я нашел, а вот отыскать «Императора» мне так и не удалось.

Казалось, придется смириться с неудачей.

...Как-то на Троицу я отправился на рынок. Не берусь судить, кто или что подтолкнуло меня под руку, только в ряду книжных развалов я притормозил возле одной из длинного ряда старушек, добавлявших к своим пенсиям несколько десятков рублей продажей книг из домашних библиотек.

Взгляд остановился на темно-зеленом томике. Названия на потертом переплете не было. Суперобложка, на которой должно было быть название, тоже утеряна...

Я поднял книгу, открыл и вздрогнул – Георг Эберс «Император»...

Спустя год – обвал с Антонином Пием...

Гибель самого дорогого на тот момент неоконченного текста могла быть связана либо с очередными происками судьбы, либо с признанием очевидной близости потустороннего

¹ Ишков М. Адриан. М.: Астрель, 2007; Вече, 2018.

мира, на границе с которым мы вынуждены существовать. Но поскольку судьба слепа, я остановился на втором варианте, животрепещущем более, чем бездумные удары равнодушной к нашим деяниям фортуны.

Я бы назвал эту границу «сумерками», неким размытым прогалом между светом и тьмою, ведь каждая из этих реальностей неподсчитываемо часто напоминает о себе. Мне представилось, будто каждому из нас, оказавшемуся в сумеречном состоянии, предлагается сделать выбор, и этот выбор всегда непрост. За него еще придется побороться.

Я решил принять бой. Не для того я взялся за жизнеописание самого добродетельного из всех добродетельных императоров, чтобы опустить руки при встрече с Тенью. Это было нелегкое решение, ведь тень многолика. Она бьет резко, наотмашь, только успевай уворачиваться.

Зло прячется в тени.

К тому же было боязно за читателей. Не дай Бог, если кто-то, прочитав роман, решит сегодня стать лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня.

Это будет самокатастрофа, сходная с той, какая случилась с автором, а также с главным героем романа, ведь каждый из нас, замкнувшись в кругу своего ограниченного понимания мира, приучен упорно отрицать совершенно очевидное. Горе тому, кто предъявит убедительный довод в пользу добра, которым можно было бы переубедить его. И вообще – если человек окаменел во внушенном извне, есть ли смысл воз-

действовать на него доводом?

Кто мог бы, взяв человека за руку, вывести его на свет Божий? Помог бы раскрыть глаза и убедиться – мир это не пляски *теней* на стенах пещеры.

Это – мир...

Это объективная реальность.

Мне повезло – я встретил Антонина Пия.

Он оказался надежным и доброжелательным попутчиком. Он подал смутную надежду на возвращение Золотого века. Он приоткрыл тайну маршрута, следуя которым можно, вспомнив вещие слова Гайто Газданова, «что-то понять в жизни».

Не удивляйтесь, доброжелательные люди встречаются даже на императорском посту.

Я решил последовать совету Серена Кьеркегора: «...Люди объезжают кругом весь свет, чтобы увидеть разные реки, горы, новые звезды, редких птиц, уродливых рыб, нелепых существ и воображают, будто видели нечто особенное.

Меня это не занимает.

Но знай я, где найти добродетельного человека, я бы пешком пошел за ним хоть на край света. И я бы уж ни на минуту не выпустил его из виду... Я бы только и делал, что с благоговением наблюдал за ним, подражал ему, упражняясь в тех же поступках. И хотя я еще не нашел такого человека, но вполне могу представить его...»

Самое возмутительное, говорил Антонин, если кто-то «объедает государство, не принося ему никакой пользы своим трудом». Доходы со своего имущества он подарил государству. В память об умершей жене взял на содержание государства девочек-сирот по всей Италии.

Высокий рост придавал ему представительность, но к старости, когда стан его согнулся, он, чтобы ходить прямо, привязывал на грудь липовые доски. Будучи стариком, он, прежде чем принимать посетителей, ел для поддержания сил хлеб всухомятку.

Даже умер без затей, в семидесятилетнем возрасте. Поел на ночь альпийского сыра «банон», утром почувствовал себя плохо и к вечеру без спешки, отдав все необходимые распоряжения, объявил страже пароль на будущую ночь – «*самообладание*» – и скончался.

Должно быть, вкусный был сыр, если человек, всю жизнь придерживающийся умеренности, съел лишний кусочек.

Глянешь на такого и невольно воскликнешь: боже правый, да император ли это? Ни дать ни взять – пенсионер-садовод.

Тем не менее это он.

...Кое-кто пытается доказать, что конечное несоизмеримо с бесконечным!

Это досужая сентенция не относится к моему герою. Он в высшей степени цельный, солидный человек. Заботливый дедушка. Ни один разряженный горожанин, отправляющий-

ся на воскресную прогулку, не шагает более твердой поступью. Он весь принадлежит миру сему. Ничто не выдает его: ни взгляд, устремленный в небо, ни досужие разговоры, есть ли жизнь на Марсе, или насчет морального закона – как он там кувыркается во мне; ни желание критиковать власти. Его громкое пение (после рюмки-другой) доказывает самое большое, что у него здоровые легкие.

И все-таки именно такие люди ежеминутно подталкивают движение космоса. В бесконечном смирении они черпают глубокую грусть бытия и непоколебимость доброго нрава.

Их пребывание в конечном мире не носит ни малейших следов забитости, робости или покорности дрессированного животного. Им тоже известно блаженство. Они спокойны, уверенно наслаждаются этим миром, не унижая других, не тыча в глаза самодовольством или наглостью, как будто конечное навеки обеспечено за ними.

И все же, все же...

Теперь, закончив роман, я уверен, что заинтересованность судьбой и деяниями Антонина Пия, мой пламенный задор, не только ярче всего характеризует мои авторские пристрастия, но также и объективную роль этого ключевого для Золотого века императора, сыгравшего решающую роль в становлении непривычного нам, будущего миропорядка, который я условно назвал бы *бытием в согласии*.

Еще Т. Момзен утверждал: «...император Пий не обижал своих соседей, ни сильных, ни слабых, и ценил мир, может

быть, даже больше, чем следовало»².

Некоторые современные историки вообще отказывают Антонину в исторической значимости. Например, одна из исследовательниц пишет: «...можно согласиться с точкой зрения Э. Грима³, что Антонин не оставил после себя никакого индивидуального следа в истории государственных учреждений, и в период его правления наблюдается отсутствие настоящей мысли и настоящей энергии».

Другие историки (Энтони Бирли), подвергают Антонина критике за его чрезмерную пассивность.

Д. Б. Дьюри (из Википедии) вообще отказывает Антонину Пию в праве на состоятельность как правителя, тем более великого правителя: «...как бы высоко ни ставить его добродетели, Антонина никак нельзя назвать образцом выдающегося государственного деятеля. Спокойствие, которым империя наслаждалась под его властью, достигнуто было исключительно стараниями Адриана и отнюдь не его собственными усилиями; с другой стороны, в своих стараниях сохранить мир любой ценой он зашёл так далеко, что после его смерти это вылилось для империи в череду несчастий. В его стиле правления не было ни особой оригинальности, ни новизны, более того, у него не достало даже проницательности

² Момзен Т. История Рима. Кн. 8. Гл. 6. Война с маркоманами.

³ Гримм Эрвин Давидович (Эрвин-Александр) (1870–1940 гг.) – российский историк, профессор Санкт-Петербургского университета, последний в истории Российской империи ректор университета (1911–1918).

или смелости, чтобы развить то, что было ранее намечено Адрианом».

Подобная безапелляционная оценка удивления не вызывает. Мы уже досыта наслушались нравоучений, ультимативно навязываемых Западом. Особенно нетерпимы они в оценке исторических личностей. Как видно из приведенных отрывков, для представителей западного направления в исторической науке важнее любой ценой сохранить добытые силой в течение нескольких последних столетий материальные преимущества, чем попытаться различить зарю будущего нового мира. По моему мнению, любая попытка в этом направлении без презентации и оценки таких людей, как Антонин Пий – подчеркиваю, *людей*, наших с вами сородичей, – будет обречена на неудачу.

Это эмоции...

Что касается научной оценки подобных высказываний, позволю себе привести еще одну цитату:

«Удивительны загадки истории – династия, которую основал Марк Ульпий Траян и в которой огромную роль играла семья Элиев, уже в самой римской историографии получила название эпохи Антонинов. При этом все, похваливая Антонина Пия, подчеркивали и подчеркивают якобы отсутствие у него ярких государственных дарований, „незлобивость“, скромность, и в первую очередь *склонность к согласию*».

История, к счастью, беспристрастна и объективна, и в этом романе я изо всех сил старался придерживаться этого принципа. Но это *роман*, то есть художественное жизнеописание наделенного властными полномочиями человека, всегда готового прийти на помощь каждому из нас – его современникам и потомкам.

Этого мало?..

Вспомните, как это бывает, когда на садовом участке, ощущая приближение грозы, стараешься успеть сделать то, доделать это. Воздух становится тяжел и невкусен, нет покоя сердцу, мыслям. Невольно спрашиваешь себя: зачем мне это? Куда спешишь, хрен с ней с пленкой, да пропади оно все пропадом! Убудет, что ли, от дождя? И сам не можешь объяснить себе, что такое это *это*? Прошла гроза, забылась немощь от незнания, но то и дело жизнь напоминает о существовании *этого*.

Назовем его *отчаянием*.

Я призываю каждого, кому знакомо отчаяние, у кого *конечное* до предела стиснуло душу и напрочь выжгло желание заглянуть в *бесконечное*, полюбоваться на такого человека, пусть даже весь его земной облик абсурден.

Глядя на него, так и хочется воскликнуть – не верь глазам своим!

О встрече с таким человеком мечтал Серен Кьеркегор.

Только с помощью таких людей можно одолеть разделяющие нас тени.

Пролог

Берег был уныл, желт.

Великая река, огибающая холмы, делала в тех местах огромную петлю. К самому началу петли, к обрыву приткнулось небольшое поселение, которое и городом назвать трудно. Издали, с того места, где в тени финиковых пальм остановилась императорская галера, можно было разглядеть храмовую колоннаду, а также невысокие глинистые стены, за которыми располагалось святилище.

Рабы вынесли императрицу на верхнюю палубу. Она оглядела окрестности и выразилась кратко и язвительно:

– Проклятый Египет! – затем указала пальчиком на полуразрушенный храм: – В этом рассеченном Нилом пекле я не встречала поселения, где не было бы храмовых развалин. Эти кому посвящены?

Грек Артемион, нанятый в Александрии переводчиком и краеведом, поспешно шагнул вперед.

– Это поселение называется Хмун. Храм посвящен богу Кеку и его супруге Каукет, властительнице Тьмы и сопровождающих её теней, а также восьмерке, или *огдоаде*, сотворивших мир богов.

– Восемь богов?! – удивилась императрица и с нескрываемой грустью заключила: – Значит, и здесь начнут кланчить... Нет, я останусь на корабле...

В этот момент на палубу поднялся центурион почетной стражи Публий Теренций Фирм и сообщил, что делегация местных жрецов – все как на подбор бритые, лысые и донельзя тощие – умоляют великую супругу великого Адриана принять их.

– Что я говорила! – с нескрываемой радостью объявила Сабина. – Чего они желают? Милостей, даров или присвоения мне титула «божественная»?

– Одно, великодушная, вовсе не исключает другое! – воскликнул опершийся на перила недавно назначенный претором Луций Цейоний Коммод, сопровождавший императрицу в путешествии по Нилу.

Теренций добавил:

– Они приглашают проникательную осчастливить их своим посещением. Настаивают убедительно – будто в храме ей будут представлены чудеса, совершаемые божественными кошками, служительницами Бастет.

Стоявший у перил Цейоний Коммод напомнил императрице, что принцепс рекомендовал ей не пренебрегать мольбами жрецов и постараться пересилить себя ради государственных интересов.

– ...О Бастет рассказывают много интересного, – добавил он. – Но еще более умалчивают. Например, о всякого рода магиях и мрачных чудесах, которые случаются в этих местах.

Сабина поморщилась:

– В такую жару интересоваться чудесами – дурной тон,

Луций. Царство магии ночь, а чудеса необходимы испуганным и паломникам. Они без них жить не могут! Что за торжественная процессия без чудес! Впрочем, если пожелаешь, можешь отправляться на берег. Потом расскажешь, что сотворила с тобой божественная кошка.

– Нет, нет, – засмеялся Луций. – Я согласен с тобой, несравненная, дурной тон интересоваться чудесами в такую жару. Пусть Теренций в сопровождении ликторов откликнется на их просьбу.

– Я что? – усмехнулся Теренций. – Я готов. Я не боюсь кошек, даже самых божественных.

– Не кощунствуй, Теренций. Отправляйся на тот берег, потом расскажешь... Когда спадет жара.

* * *

Теренций Фирм вернулся после полудня.

Его провели в надстройку на корме, где в богато украшенном зале, на ложе отдыхала императрица. Фирм доложил, что дары переданы, благодарности получены. Город сам по себе дрянь.

– ...более унылого уголка я в своей жизни не встречал, – добавил Тиберий. – Что касается чудес, ничего сказать не могу, однако фокусников и жонглеров там полным-полно. Есть даже забавные. Возле одного из полуразрушенных домов мы наткнулись на старикашку. Я обратился к нему на

латинском – как пройти к пристани? Он ответил на чистейшем римском говоре.

– Наверное, какой-нибудь беглый, – вздохнула Сабина. – Они как тараканы прячутся по всем углам империи. Затаились в тени...

– Я тоже так решил, несравненная, однако старик оказался прилично одет, у него в услужении громадный негр и какой-то мальчишка, но самое удивительное, он попросил меня держаться подальше от его тени. Я спросил: ты кому указываешь, негодяй? Римскому центуриону? Он не испугался и заявил, что не имел намерения оскорбить меня. Тогда при чем здесь тень? Он начал объяснять, якобы в тени таится великая сила, с тенью надо обращаться с осторожностью, иначе... Я спросил его: к чему ты клонишь?

Старикашка приказал своему слуге снять с забора один из глиняных горшков и поставить возле себя. Затем он взмахнул посохом и ударил по тени, которую отбрасывал сосуд. Вообразите, от удара сосуд разлетелся на мелкие кусочки.

Я уверил старика, что и не таких фокусов навидался!.. Горшок, наверное, был надтреснут... Старик предложил мне самому выбрать сосуд, из тех, что висели на плетне, но за это я должен заплатить ему десять сестерциев. Не многовато ли будет? – спросил я. На это старик ответил: в самый раз, иначе он якобы может невзначай задеть мою тень... Каков наглец! – возмутился центурион.

Сабина заинтересованно спросила:

– Ты дал ему десять сестерциев?

Центурион кивнул, потом развел руками.

– Все-таки интересно... Я лично выбрал горшок. Он был толстостенный и при щелчке звенел как оглашенный. Действительно, ни трещинки, ни скола...

– И?..

– Горшок тоже разлетелся вдребезги!!

– Забавно! – откликнулся Луций.

Императрица захлопала в ладоши:

– Я хочу видеть этого старика. Сегодня нас ждет интересный вечер. Пусть он устроит представление с тенями. Как его звать?

– Он назвался Антиархом.

– Пошли за ним, Теренций. А ты, Луций, постарайся узнать, когда нам ждать императора? Он обещался прибыть с охоты сегодня вечером, так что все к одному.

* * *

Гвардейцы, посланные за Антиархом, привезли старика, когда пронзительное египетское солнце уже склонялось к вершинам западной гряды, отделявшей речную долину от пустыни.

Между тем на восточной стороне небосвода копились грозовые облака.

Вместе со стариком прибыла и его свита, состоявшая из

громадного мускулистого негра, подозрительного подростка с обмякшим лицом, а также прелестной девицы, закутанной в плащ, из-под которого впечатляюще выступали некоторые ее прелести.

Цейоний Коммод заинтересованно, не без нарочитого смакования оглядел девицу.

– Луций!.. – предостерегла императрица и погрозила претору веером.

Представление было решено устроить на верхней палубе, в надстройке, служившей столовой. Здесь принимали гостей. Рабы вынесли кушетки, на которых во время торжественных обедов укладывались гости, низенькие столы, на которые ставились блюда. Затем не без некоторой нарочитой торжественности внесли ложи, на которых устроились те, кто сопровождал императрицу в путешествии по Нилу.

Их всего было несколько человек. В это путешествие по диким, пусть даже и очень древним местам Сабина отправилась неохотно, уступая исключительно настояниям супруга.

Адриан, как всегда вольно обращавшийся с церемониями, вместо того чтобы представлять в этом забитом песками уголке необоримую и доброжелательную мощь империи, позволял себе отлучаться на охоту, на посещение каких-то набитых магическими предметами древних развалин, на всякие прочие диковинки природы. Он предпочитал осматривать, изучать и стараться приобщить к сокровищам государства все редкости и нелепости, которых, по мнению

его супруги, с избытком хватало в подлунном мире. Свалив на императрицу заботы о поддержании добрых отношений с местными правителями, и прежде всего с обнищавшими до предела служителями древних храмов, Сабина испытывала постоянную меланхолию. Впрочем, она всегда отличалась избытком уныния, что не позволяло ей вписаться в активный поиск нового – новых административных учреждений, новых архитектурных форм, новых отношений между разными частями империи, которыми отличался ее супруг.

Что уж говорить о семейной жизни, счастье которой было разрушено в самом начале их брака, после того Сабина, не простившая молодому супругу насилия в первую брачную ночь, постаралась сделать так, чтобы у нее случился выкидыш.

Со временем боль нескладывающихся семейных отношений сгладилась. Между супругами возникло что-то вроде взаимопонимания и теплых чувств, однако прежний страх настолько глубоко впитался в Сабину, что на мир она уже долгие годы смотрела мрачно, постоянно ждала неприятностей, часто уступала своим капризам, одним из которых являлся отказ от посещения местных храмов.

Ей претили пустопорожние оповещения о ее «божественности», на которые не скупилась местные жрецы. В какой только сонм египетских богов ее не помещали, чьим воплощением не объявляли, а толку – как однажды она призналась Луцию, ее любимцу и в какой-то степени приемному сыну, –

чуть...

Никто из этих обветшавших, худющих, бритых, а часто и слепых небесных посланцев не смог вернуть ей утерянное счастье материнства.

Вряд ли она в ее годы приняла бы такой дар, но предложить-то можно!

Хотя бы догадаться, чего желает «божественная»!..

Теперь еще оказаться в составе «огдоады»? Или возродиться как воплощение Бастет, кошачьей богини, чьи подвластные создания плодятся и размножаются с такой быстротой, что никаким богам или «божественным императрицам» за ними не угнаться.

Спасибо, не надо.

* * *

Старикашка появился в зале, когда на реку надвинулись темные облака и небо заметно померкло. Вбежал в тот самый момент, когда с восточной стороны долетели громыхающие грозовые раскаты.

Императрица лукаво улыбнулась поспешившему к ее ложу старику:

– Ты специально поджидал, когда ударит гром?

Старик поклонился.

– Нет, венценосная. Гром и молнии – это моя стихия...

Он поднял руки над головой. Раздался сухой треск, и меж-

ду его ладонями внезапно полыхнул разряд.

Сабина отпрянула к спинке ложа. Кто-то из гостей испуганно вскрикнул. Луций подался вперед и потребовал:

– Повтори!..

Старикашка еще раз вскинул руки, и между ладонями вновь пробежала молния.

В сумеречном, заметно помертвевшем зале наступила тишина.

Антиарх, овладев вниманием присутствующих и не желая терять инициативу, воскликнул:

– Здесь слишком много света, драгоценная, а я повелеваю миром из мрака. Повелеваю невидимый и неслышимый!..

Затем, не дожидаясь разрешения, подбежал к одному из факелов на левом входе и, схватив пламя обеими руками, придушил огонь. Так он поступил еще с тремя факелами.

Зал погрузился в сумерки. Неожиданно со стороны входа, забранного тканями и деревянными, покрытыми резьбой пилястрами, выдвинулась громадная размытая тень. В ее верхней части обозначился низкий треугольный столик. Тень с поклоном донесла его до середины зала, поставила и также с поклоном удалилась.

Сабина перевела дыхание и, стараясь не терять присутствия духа, поинтересовалась:

– Ты повелеваешь миром из мрака? В таком случае ты бог? Отвечай?! И не придумывай самые пошлые прозвища, обращаясь ко мне. Называй просто – госпожа.

– Нет, несравн... госпожа, я всего лишь сын небожителя. В моей власти мрак и все, что творится во мраке. Твой супруг и ты, госпожа, повелеваете светом, а мой удел, мои владения – места, где свет отсутствует.

– Даже ночь? – иронично поинтересовался Луций.

– Нет, претор! Позволю себе напомнить, ночь редко – очень редко! – бывает темна до полного отсутствия света. До его неприятия!.. В ночи всегда что-то светится – например, звезды. Я уж не говорю о луне.

Луций, стоявший у распахнутого окна, улыбнулся.

– Я слышал о мошеннике, который объявил себя супругом луны. Кстати, он даже ухитрился выдать свою дочь за римского патриция. Я бы назвал этот брак совершённым по воле небес, если бы патрицию не стукнуло шестьдесят, а дочери Луны пятнадцать. Интересно, чем они занимаются по ночам? Вероятно, патриций обращается к свекрови с мольбой о даровании ему мужской силы.

Все присутствующие заулыбались.

Луций, доказавший, что он оказался единственным, кто не растерялся в присутствии местного фокусника, изящно поигрывал цветком лотоса. Он то принимался к его аромату, то выписывал божественным цветком замысловатые фигуры.

Старик неожиданно и охотно подтвердил:

– Я тоже слышал об Александре из Абинотеа. Вся разница между мной и этим лжепророком в том, что я не беру

деньги за пророчества, которые произносит прирученная им змея с человеческой головой. Я также не требую неземных почестей и не торгую своими приверженцами.

– На что же ты живешь, Антиарх?

– Я довольствуюсь малым. Жизнь научила меня довольствоваться куском вчерашней лепешки и глотком молока, на которые не скупаются люди.

– Каким же образом ты ухитришься выманить у наших бессердечных, не знающих слова «жалость» подданных несколько асов на кусок засохшей лепешки и чашку молока?

– Я помогаю им приручить свои тени.

– И каковы успехи?

– Я готов продемонстрировать тебе, госпожа, что тень не такая безобидная вещь, как нам кажется. Тень прочно связана с хозяином...

– Мне рассказывали, что ты, ударив по тени, разбил глиняный горшок.

– Это пустое, госпожа. Если правильно обращаться с тенью, она способна поведать своему хозяину о нем самом и о тех, кто его окружает, куда больше, чем самый яркий светильник.

– Этот громадный верзила, который поставил столик, и есть твоя тень?

– Нет, это мой раб Исфаил. Он подобен тени, но он всего лишь человек.

– Хорошо, пока оставим Исфаила в покое. Что могла бы

рассказать мне моя тень?

– О той опасности, госпожа, которая угрожает тебе и претору Луцию Веру.

Луций удивился:

– Ты, оказывается, куда бóльший проныра, чем я предполагал. Как ты сумел узнать мое имя?

– Твоя слава, претор, летит впереди тебя.

– Не уходи от ответа. Я сначала посчитал тебя беглым преступником, каких немало прячется по дальним закоулкам империи, однако я ошибся. Давно ли ты поселился в этом забытом богами месте?

– Я живу здесь уже почти семь лет. Здесь мрак особенно глубок и мудр. Отсюда мне видно все, что творится в подлунном мире.

Затем он обратился к Сабине:

– Я также сведущ в тайных делах, которые творятся в Вечном городе, как назвал великий Рим твой супруг, божественный Адриан.

– Какими же тайнами поделился с тобой местный египетский мрак?

– Мрак, госпожа, не бывает местный или римский. Мрак везде мрак, и чем он гуще, тем изобильнее просветления. Поверь старому *мракофилу* – именно эта субстанция устроила нашу встречу. Не огонь, вода, воздух или земля, а именно тьма. Мне есть что рассказать тебе, госпожа, и тебе, претор Луций Вер, но для этого мы должны остаться одни.

Центурион Теренций подал голос:

– Думай, что говоришь, Антиарх, и не веди себя нагло.

– Не спеши обвинять меня в наглости, Теренций. Пророчества – это мое любимое развлечение. Оставь нас и уведи охрану. И заодно присмотри за этим мрачным Исфаилом...

Сабина спросила:

– Откуда он родом, Антиарх?

– Из Эфиопии. Исфаил – самый темный негр, которого можно найти в Африке.

Антиарх окликнул:

– Исфаил? Подойди и представься госпоже.

Из темного угла зала совершенно беззвучно выдвинулся человек в черном одеянии и с черной накидкой на голове. Приблизившись, он скинул накидку, затем оскалился.

Невероятно белые зубы высветились в вечернем полумраке.

Антиарх вздохнул:

– Никак не могу добиться от него согласия избавиться от этих исчадий света. Они никак не подходят его черной душе.

Сабина и Луций рассмеялись. Даже Теренций улыбнулся.

Претор укорил старика:

– Не наводи тень на плетень, старик. Я полагаю, когда потребуются, зубы его станут темнее ночи.

Затем он подал знак Теренцию.

Центурион приказал:

– Пойдешь со мной, эфиоп. И учти, если твой хозяин нач-

нет настаивать, мои молодцы в несколько секунд избавят тебя от этого недостатка.

– Нет, Теренций, – возразил Антиарх. – Этого не надо. Он будет плакать. Это, доложу я вам, такое зрелище, которое лучше не видеть верному служаке и почтенному отцу многочисленного семейства.

Теренций остановился.

– Ты и про меня успел разузнать?! Сколько же у меня детей, Антиарх?

– Восемь, центурион.

Теренций нахмурился:

– Тебе не кажется, что ты слишком много знаешь?

– Таково мое предназначение, Теренций.

Теренций еще более помрачнел.

– Разве ты свободный гражданин, чтобы обращаться ко мне по имени?

– Да, центурион. Я родом из Антиохии⁴, из семьи римских переселенцев. Исфаил, расставь кубки.

Раб молча выполнил указания хозяина и поставил три кубка на низенький столик.

– Я хочу попросить тебя, Теренций, зажечь эти кубки.

Теренций, повинуясь жесту Сабины, взял со стены один из еще горевших факелов и поднес его к первому кубку.

Оттуда с шипением вырвалось невысокое, но очень яркое

⁴ Столица провинции Сирия, третий по величине город в империи после Рима и Александрии.

пламя. То же самое проделал с оставшимися двумя, после чего, повинувшись указующему жесту императрицы, толкнув Исфаила, вышел из зала. Вслед за ними вышел Артемион, поэтесса Бальбила и два других стража.

Антиарх скинул плащ и ловко вытащил из обмякшей на полу накидки три медные дощечки с прорезями. Он разместил дощечки так, чтобы тени от них падали в центр стола. Когда совмещенные прорези образовали крестообразную фигуру, свет внутри нее, теряя и обретая яркость, начал переливаться от светлого до темного.

Луций Коммод подошел ближе.

– Я слушаю, – сурово выговорил он.

– Тебе грозит беда, претор.

– С того момента, как император дал согласие объявить его цезарем, – подала голос Сабина, – наследнику всегда грозят опасности.

– Это так... госпожа. Однако я имею в виду опасность другого рода. Она не имеет отношения к неблагоприятному астрологическому прогнозу, который собственноручно добыл император. Я имею в виду редкого по красоте несмышлениша, которого император тоже пытается приобщить к таинствам астрологии...

– Ты хочешь сказать?... – воскликнул Луций.

Антиарх резко прервал его:

– Не будем называть имен!

– Что именно ты имеешь в виду? – повысила голос импе-

ратрица.

– Величайший уже принял решение. Он желает усыновить его и так же, как Луция, объявить наследником. Несмышленьш молод и хитер...

Императрица резко выпрямилась и села, спустив ноги на пол. Луций приблизился к ней. Они некоторое время многозначительно смотрели друг на друга, после чего Луций произнес:

– Ты играешь с огнем, старик. Я прикажу заковать тебя в цепи, и ты будешь сидеть в трюме до того самого момента, пока не выдашь, кто подучил тебя огласить эту отвратительную клевету.

– Меня трудно заковать в цепи, – ответил Антиарх. – Разве что придется лишиться всякого намека на мрак. Однако изобилие света, претор, куда страшнее, чем его отсутствие.

– Не играй пустыми софизмами, старик. Лучше признайся, кто подослал тебя возвести напраслину на самую занимательную... игрушку императора.

– Вряд ли на всей ойкумене найдется человек, который решил бы использовать меня в качестве доносчика или тем более клеветника. Я настаиваю на своих словах. Я уверен, что, кроме меня, никто не сможет избавить тебя от этой напасти.

– Этот фокус может дорого обойтись тебе, Антиарх, – предупредила Сабина.

В этот момент с верхней палубы донеслись шум, крики, обратившиеся в радостные возгласы.

Дверь распахнулась, и в зал вбежал крепко сложенный юнец в медном шлеме с крылышками, в тунике и львиной шкуре наброшенной на плечи.

Он бросился к императрице, преклонил колени и воскликнул:

– Радуйся, Сабина!.. С минуты на минуту император будет здесь. Я решил заранее предупредить тебя. Принцепс скучает по тебе. Он решил сократить охоту на сутки и уже мчится к месту стоянки твоей галеры.

Юноша неожиданно огляделся и воскликнул:

– Почему здесь так темно?

К тому моменту волшебное пламя в кубках совсем угасло.

Юнец схватил ближайший факел и принялся зажигать потушенные светильники. В следующий момент он обернулся и застыл на месте. На его до прелести симпатичном лице обозначилось неподдельное удивление, смешанное с ужасом.

– Сацердата! Ты что здесь делаешь?!

С обескураживающим проворством старик метнулся к выходу и выскочил из зала.

Сабина вскочила:

– Какой Сацердата! Где ты здесь видишь Сацердату, Антиной? Это всего лишь местный фокусник. Он устраивал представление для нас. Почему ты счел возможным ворваться в мои покои без предупреждения?

Луций Цейоний Коммод жестом остановил императрицу. Он обратился к Антиною:

– Ты уверен, что это Сацердата? Он назвался Антиархом.

– У него множество имен, драгоценный Луций! Он может назваться кем угодно, вплоть до погибшего на кресте назаретянина. Его нужно задержать. Он опасен.

Луций задумался:

– Я слышал о Сацердате. Это был тот еще разбойник! Подручный Регула... Эй, стража!

– Объясните же наконец, – раздраженно воскликнула Сабина, – что здесь происходит? Кто разбойник, кто фокусник? Он грозился раскрыть какую-то тайну.

– Этих тайн у него великое множество! – всплеснул руками Антиной. – Сейчас его надо задержать. Его ловят по всей империи. Он украл меня у матери и увез в Вифинию. Если бы не твой супруг, госпожа, меня бы уже на свете не было. Император спас меня.

– Ты хочешь сказать, что он повинен в смерти Тимофеи, так нелепо погибшей из-за своего суеверия?

– Да, госпожа. К тому же он уже покушался на Адриана. В Антиохии.

– Тогда его надо задержать! – возмутилась Сабина. – Те-

ренций!..

Центурион словно ждал за дверью. Он быстрым шагом вошел в залу.

– Слушаю, повелительница.

– Где этот... Антиарх? Его надо немедленно схватить.

– Поздно, госпожа. Он успел спрыгнуть в лодку. Его мелкий раб, а также эта девица, что куталась в плащ, погнали ее на ту сторону реки.

– Его надо немедленно догнать!

– Как же, догонишь! Этот гаденыш оказался на редкость пронырлив. Пока его подружка строила глазки гвардейцам, этот негодяй ухитрился продырявить обе наши лодки. В целости только маленький ялик.

– Я поплыву на нем! – закричал Антиной. – Он не уйдет от меня!

– Как же, не уйдет! – усмехнулся Теренций.

– А где Исфаил? – поинтересовался Луций.

Претор уже успокоился и по привычке принялся обмахиваться цветком.

– Этого задержали, – не без удовольствия доложил Теренций. – Парень он оказался смирный. Брошенный Антиархом, принялся плакать.

– Вы хотя бы связали его?

– А то как же! – хмыкнул Теренций. – Обыскали, связали и прикрутили к борту.

В этот момент со стороны берега донесся звук боевой

трубы, следом посыпались отрывистые команды «сбросить трап», «принять на борт» и – неожиданно! – невероятной силы звериный рык.

Антиной обрадовался:

– Я же говорил! Я принес весть.

Договорить он не успел. Створки правой и левой двери, ведущие в зал, распахнулись, и через левый вход в комнату, стараясь вырваться и освободиться от ошейника, вбежал громадный лев. Трое мужчин в охотничьих нарядах держали его на привязи. Вслед за хищником через правый вход в зал вошел высокий бородатый мужчина в кожаном жилете, на который был наброшен плащ, стянутый застежкой под правым плечом, и в боевой, тоже кожаной, с нашитыми медными бляхами юбке.

Он с ходу поинтересовался:

– Что здесь происходит? Кого ловим?

Антиной бросился к нему:

– Повелитель, здесь только что был Сацердата! Он выдает себя за фокусника.

– Сацердата-а-а-а?! Вот это новость! – недобро усмехнулся Адриан и перевел взгляд на своего раба Мацеста, вбежавшего через левый вход. – Взять преступника и посадить на цепь!

Мацест ответил:

– Я как раз пришел доложить, что какой-то негодяй поспешно отплыл, государь. Я потребовал объяснений, но он

даже не выслушал меня – прыгнул в лодку и схватился за весла. С ним были двое – какой-то подозрительный мальчишка и девица.

– Тогда догнать!!

– Не на чем, государь, – с виноватым видом доложил Теренций.

– Не понял? – с угрожающим видом выговорил император.

Луций решил поддержать центуриона:

– Обе наши лодки – большая, для парадных выездов, и малая, для прогулок, – испорчены.

Адриан сбросил плащ и подозвал Теренция поближе.

Антиной, стараясь остаться незамеченным, пробрался к выходу и выскочил на палубу. Вслед за ним через противоположный выход зал покинул Мацест.

– Как же ты, центурион, охраняешь императрицу? Как этот негодяй получил доступ в ее личные покои?!

– Это по моей вине! – ответила Сабина.

– И по моей тоже! – подхватил Луций.

– Я тоже прошляпил, – сознался центурион. – Надо было держать его на привязи...

– Теперь поздно вздыхать, – прервал его император. – Немедленно отыскать переправочное средство, отправить людей на противоположный берег, перекрыть все дороги, ведущие из Хмуна. Утром устроим облаву.

Теренций торопливо покинул зал.

Император, не переводя дыхание, похвалился плененным зверем:

– Что, хорош?! Ему еще года нет, а как он ужасен и свиреп. Я постараюсь приручить его. Он будет послушен мне, как мой пес Верный!

– Это невозможно, государь! – заявил вошедший вслед за императором Артемион. – В таком возрасте дикого зверя нельзя отучить от природной жестокости. Как утверждают знатоки, приручить дикого зверя – невероятно трудная задача. Философы настаивают, что в таком возрасте ему уже невозможно доказать, что жить страстями – самая худшая участь, которая может ожидать живое существо, тем более обладающее зачатками разума. Если бы взяться за него в молочном возрасте...

Артемион с интересом глянул на льва и даже попытался погладить его по намечавшейся к росту гриве.

Зверь попытался схватить его руку.

– Да, – с сожалением констатировал ритор, – уже поздно. Его природа дика и необузданна.

– Ничего, обуздаем, – пообещал император. – Для начала свяжите ему пасть. Впрочем, сначала накормите его и начинайте подавать обед.

Он неожиданно обвел взглядом присутствующих и удивленно спросил:

– Где Антиной? Где этот неслух, которого я вчера спас от хищного зверя, вероятного отца этого чудовища? – он кив-

нул в сторону молодого льва, которого трое охотников с трудом сумели оттащить к двери. – Еще вчера он пообещал отворотить от меня любую беду, которую якобы сулят нам боги.

– Прежде всего мрак и порожденную им тень, – возразил Луций. – Этот Антиарх... то есть Сацердата... то есть Епифаний...

Император продолжил список:

– Он же Марк-потрошитель... Это имя он носил до того, как дезертировал из Десятого вспомогательного легиона, а Епифанием стал, когда покушался на меня в Антиохии.

– Теперь он подался в чародеи, – ответил Луций, – а то и в небожители.

Адриан удивился:

– Ишь куда замахнулся!..

Затем император неожиданно напрягся, повысил голос:

– И все же где Антиной?!

В этот момент вбежавший Мацест доложил, что юноша, выскочив из зала, заявил, что император повелел ему проследить за Антиархом.

– Как это? – изумился император.

Мацест доложил:

– Антиной отвязал ялик и бросился в погоню за преступником.

– Он с ума сошел?! Вернуть немедленно!!!

Император бросился к выходу.

Все толпой устремились за ним.

Выбравшись на верхнюю палубу, император бросился к правому борту, обращенному в сторону реки. Мацест указал ему на парус, поднятый на ялике, который, убыстряя ход, двигался к противоположному берегу.

Адриан бросился вдоль борта:

– Немедленно раздобыть лодки и в погоню!

Он перебежал к противоположному борту и неожиданно наткнулся на сидевшего на корточках негра.

– Кто это? – закричал император.

– Раб Антиарха...

– Пытать огнем!

В следующее мгновение Исфаил неожиданно выпрямился, скинул темную накидку, отчего вокруг стало еще темнее, выхватил нож. Обрезав веревки, он оттолкнул императора. Два гвардейца, бросившиеся ему наперерез, не сумели задержать его.

Негр с разгону, ногами вперед, бросился в воду.

– Лук!!! – закричал император. – Луки, стрелы...

– Все готово! – доложил Теренций, затем скомандовал: – Наложить стрелы. Цель в воде.

Два лучника в поисках спрыгнувшего раба даже перегнулись через борт, однако Исфаил вынырнул на таком неожиданном большом расстоянии от галеры, что стрелки на мгно-

вание опешили.

Со скоростью крокодила негр мчался вдогонку за яликом. Пока лучники меняли прицел, тот сумел отплыть на значительное расстояние.

Что могли поделаться с негодяем две стрелы, даже пущенные самыми опытными стрелками, с рассекающей воду, едва угадываемой на поверхности воды тенью?

Адриан, вцепившись в поручни, напряженно вглядывался в темноту.

Наступила протяжная угнетающая тишина.

Вот колебания воды и светлые пузырьки настигли ялик. Тот неожиданно качнулся, затем парус нехотя лег на воду.

– Не-е-ет! – закричал Адриан. – На помощь!! Теренций, поднимай якоря!..

Теренций отвел глаза. К императору бросился один из легионеров и доложил:

– Мы подогнули лодку, государь. Гребцы готовы.

– Вперед! – закричал Адриан и первым побежал к лодке.

* * *

Толпа, вначале активно сочувствующая поиску утонувшего в Ниле мальчишки, спустя некоторое время начала расходиться. Сабина, поддерживаемая Луцием, спустилась в свои покои.

У дверей она поинтересовалась у претора:

– Что этот противный старикашка твердил насчет судьбы, которая якобы будет немилостива к императору?

Луций доверительно объяснил:

– Несколько дней назад, в одном из дальних храмов императору было вынесено предупреждение о подстерегающей его опасности. Отвратить ее можно только в том случае, если кто-то из самых близких его друзей или воспитанников не отважится принести себя в жертву.

Сабина задумалась, потом кивнула:

– Пророчество сбылось. Об этом надо оповестить Рим. И заодно, – приказала императрица, – прими меры, чтобы ни ты, ни я не были замараны этой историей. – Потом с едва скрываемым облегчением добавила: – Теперь у тебя, Луций, нет соперников.

– Живых – да, а вот мертвых...

– Ты полагаешь...

– Да, государыня, я полагаю, что эта смерть мало что решает в смысле астрологического прогноза.

* * *

Из письма императора Цезаря Траяна Адриана Августа вольноотпущеннику Аквилию Регулу Люпусуиану:

«...Прощай, мой друг. Разлука печалит меня, но ты прав – прошлое не вернешь. Ты писал, что при виде бездыханного тела твоей возлюбленной прежние

увлечения перестали волновать тебя. Я сочувствовал твоему горю, Лупа.

Посочувствуй и ты моему.

Всего несколько дней назад я был счастлив, как может быть счастлив человек, излечившийся от болезни и защитивший самое дорогое существо, которое ему доверила судьба. Мы охотились, и я заслонил собой Антиноя, когда тот споткнулся и упал на землю, а обезумевший от ран лев бросился на него. Я принял дерзкого хищника на копье и свалил наземь.

Антиной очень повзрослел за это время. Лицом – Александр, но без той жуткой гримасы, которая портила черты лица Македонца и внушала присутствующим ужас. Фигурой – олимпийский чемпион. После случая на охоте он по секрету признался: если случится худшее и ему придется вступить во взрослую жизнь, он сразу примет участие в олимпийских играх.

Это решение подтверждало пророчество, которое открыли мне звезды. Тебе известно, насколько я преуспел в составлении астрологических прогнозов.

Лучше я никогда бы не вглядывался в ночное небо и не брал в руки грифель!..

...Прогноз оказался неутешительным – срок жизни моего избранника Луция Цейония Коммода исчисляется не десятилетиями, а годами. Это слишком малый срок для успешного завершения строительства нового государства, в котором все получают римское

гражданство и будут равны перед законом.

Признаюсь, я тогда уже всерьез задумался над тем, чтобы подобрать Луцию более молодого и надежного помощника, который мог бы со временем подхватить начатое.

...Ты догадался? Да, я имел в виду Антиноя, как бы безумно это ни звучало для римского уха. У меня имеются сведения, что старые пни, закосневшие в римском высокомерии, ни в коем случае не примут мой выбор, но мне было наплевать!

Я умею добиваться своего!..

...Боги жестоки, дружок. Горько стоять у останков любимого человека, внимать воплям плакальщиц и не иметь возможности вернуть то, что уже растаяло в небесной вышине. Счастья больше нет. Есть горе. Есть раскаяние. Есть невозможность жить. Беда подкралась как тень в ночи, неслышно и незримо.

...У меня сейчас избыток слов. Душа полна, но не к кому обратиться. Не с кем разделить свое горе, некому обнажить свои слезы. Вокруг меня множество людей, еще больше сочувствующих и любопытствующих, желающих взглянуть на страдающего „как женщина“ правителя. А ты далеко. Говорят, ты похоронил свою Тею по варварскому обычаю – опустил ее в землю, насыпал бугорок и теперь часто приходишь на могилу, сидишь возле бугорка. Я видал, так поступали у вас в

Дакии.

Мне завидно, ты избавлен от бесконечных, расцвеченных пустословием соболезнований, приторных утешений, сногшибательных предложений, которые ничего, кроме раздражения, не вызывают. Меня обступают толпы верноподданных, требующие провозгласить Антиноя богом, упрямо настаивающие на том, что мальчик якобы принес себя в жертву Нилу и теперь следует ждать обильного разлива. Если Нил разольется, это будет бесспорное знамение, что мальчика надо обожествить.

Насчет Нила мне все равно. Я не знаю, как поступить. Пусть обожествляют? Или взять его с собой, набальзамированного, совсем как живого, и устроить погребение в Тибуре?⁵

Как все случилось?

...Ноябрьским вечером меня окликнул Мацест. Он дрожал от страха. Пришлось крепко встряхнуть его, прежде чем он признался, что Антиной взял парусную лодку и отправился в погоню за самым мерзким преступником, какие только водятся на земле. Я еще успел разглядеть парус. Я следил за ним, пока белый клочок не лег на воду. Даже тогда мое сердце оставалось спокойным. Когда же парус ушел под воду, когда пришла ночь – жуткая, безоблачная, беззвездная, безлунная, я вскрикнул.

⁵ Знаменитая вилла Адриана, развалины которой сохранились до наших дней. Теперь она называется Тиволи.

Его искали два дня. Когда отправленные на поиски Антиноя рабы доставили его тело, я лишился чувств.

До свиданья, мой друг! До встречи в Городе. Или, может, не надо никаких встреч, иначе нам никогда не избавиться от воспоминаний.

Тогда прощай!»

Часть I. Игра теней

В сне земном мы тени, тени...

Жизнь – игра теней,

Ряд далеких отражений

Вечно светлых дней.

Владимир Соловьев

Глава 1

В конце июля 138 года, когда до Сирии дошла весть о смерти императора Адриана, Антиарх рискнул выбраться из своего тайного убежища в Антиохии.

В Рим решил пробираться водным путем.

Посуху, через Киликию, Вифинию, Византий, Фракию, Македонию, Далмацию не отважился. Опасался проверок на дорогах, в городах – соглядатаев, ведь указ императора о розыске и задержании «опасного государственного преступника Сацердаты» никто не отменял.

Лучше морем... В Остии – морских воротах Рима – у него еще оставались дружки. Оттуда до Рима всего-то пара десятков миль. По хорошей дороге можно быстро проскочить.

Судно выбрал не сразу.

«Клеопатра» приглянулась ему хорошим ходом, опытным капитаном и разбойной командой, которой, по слухам, приходилось участвовать в разных переделках, так что по первому требованию римского патрульного корабля судно вряд ли остановится.

Хозяин «Клеопатры», сирийский купец, был давним приверженцем елказаитов, в секте которых Антиарх – для посвященных Епифаний – был хорошо известен как великий наставник, не уступавший в святости – то есть в проделывании всякого рода чудес – самому основателю Елксею и продолжателю его дела Гегезипу⁶.

Купец предупредил Антиарха о буйном нраве капитана, при этом посоветовал подружиться с одноглазым прокуратором, или иначе боцманом, распорядившимся всей этой корабельной шпаной. Купец добавил, что прокуратор одним глазом зрит дальше и глубже, чем кое-кто двумя.

– ...«Клеопатра» должна со дня на день должна отправиться в Остию, а дальше как решит Христос.

– И Дух Святой, – подхватил Антиарх. – Она будет приглядывать за нами всю дорогу⁷. Мы все прошли обряд очи-

⁶ О Елксее, со слов Э. Ренана, известно, что однажды ему явился Христос в виде громадного ангела, ростом в тридцать две римских мили (примерно 51 км) и одарил его благословением и таинственной Книгой откровений.

⁷ В представлении членов секты елказаитов Святой Дух – женского рода и из облака сходит на Иисуса, который в качестве Христа способен переселяться из одного человеческого тела в другое.

щения.

– Ну, с Богом, – напутствовал хозяин судна единоверца.

* * *

Погрузились ночью, таясь всякого пристального взгляда.

...Прошло восемь лет после гибели Антиноя, и все это время поиски Антиарха не прекращались. Адриан упорно пытался разыскать преступника, повинного в гибели своего любимца, которого, ссылаясь на организованно-бесчисленные мольбы безутешных египтян, император приказал обожествить, а на месте случившейся трагедии основать город, в котором местные жрецы обязаны были поддерживать культ «сошедшего с небес» и вновь «взятого на небеса» бога.

...Теперь, после смерти «бородатого святоши», как окрестил Антиарх своего недруга, наступил его час. Хватит прятаться, менять места жительства, сторониться прежних единоверцев. Пора взяться за настоящее дело, а приступить к нему можно было только в Вечном городе, откуда он бежал после расправы, устроенной Траяном над всякого рода негодяями⁸, в то время негласно правившими в Городе и во всей

⁸ Траян в начале своего царствования приказал собрать всех римских доносчиков и вымогателей и посадить их на ветхий корабль, который на буксире оттянули в открытое море. Там они должны были ждать своей участи. Божий суд не заставил себя ждать – налетела буря и галера пошла ко дну. См.: *Ишков М.*

Италии.

...Старик был наслышан о смертельной болезни «бородатого», резко испортившей его нрав, о жутких событиях последнего года, о кровавой охоте, открытой «поклонником законов и муз» на тайных и явных претендентов на освобождающийся престол.

Наслышан был и об Антонине.

Общее мнение сильных, как в провинции Азия, где Антонин почти четыре года царствовал в качестве проконсула, так и в Риме, было недоброжелательно к нему, – слабак, чинуша, буквоед и человеколюб. Достойный наследник «бородатого», помешавшегося на стремлении сделать подданных сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. С точки зрения Адриана, ключиком к осуществлению такой нелепой идеи служило обязательное изучение философии.

...С точки зрения Антиарха, подобное снадобье являлось мало того что бесполезным, но и греховным средством, свидетельствующим об окончательной потере разума у сильного мира сего. У всякого уверовавшего в Хри́ста или даже Христа́, эти языческие потуги, кроме отвращения, ничего вызвать не могли.

В любом случае варево замешивалось крутое, и Антиарху не терпелось ухватить в надвигающейся неизбежной сму-

те свой сладкий кусок. Теперь магистратам будет не до Сацердаты, которому когда-то под руководством сенатора Аквиллия Регула посчастливилось прославиться кровавыми делишками. Слава о нем и его ребятах тогда гремела по всей Италии.

* * *

Плыли ходко, ветер был попутный. Своих спутников – коротышку Викса и черного Исфайла – Антиарх почти не выпускал из каюты, как, впрочем, и Пантею, хотя этой девке он иногда давал послабления. Но при одном строжайшем условии – в разговоры не вступать, глазки членам команды не строить. На вопросы отвечать скромно, тихим голосом. Ответ должен звучать так: ...не знаю, спросите у хозяина.

Судно везло в Италию сирийские вина нового урожая, и от скорости хода зависела цена товара, поэтому капитан никому спуска не давал. Даже потребовал от Антиарха, чтобы его люди тоже занялись делом. Помогали ставить главный парус, менять носовой и пару косых на кормовой мачте, с помощью которых «Клеопатра» могла уверенно ходить при боковом ветре.

Старик сурово напомнил капитану, что в договоре с хозяином о такой услуге не было и речи, на что капитан развязно заявил, что на судне он хозяин, так что нечего ссылаться на какие-то бумажки.

– Что случится, если я откажу тебе в этой просьбе? – поинтересовался старик.

– Это не просьба, а приказ! – грубо оборвал его капитан. – За неисполнение приказа я обычно швыряю за борт.

Антиарх засмеялся тоненьким – словно агнец проблеял – язвительным голоском:

– Ты хочешь сказать, если мы откажемся, можем и не добраться до Остии?

– Это ты сказал! – с грубоватым смешком ответил капитан.

– А не боишься, что ты тоже не сможешь добраться до Остии? – доброжелательно поинтересовался Антиарх.

– Нет, не боюсь. Море ненасытно, оно глотает все без разбору.

Антиарх решительно обнял капитана за пояс и развернул лицом к носу корабля и указал на спешащего в ту сторону члена экипажа.

– Видишь этого малого? – спросил старик.

Капитан хмыкнул:

– Еще бы. Это я послал его переменить артемон⁹.

– И ты уверен, что он точно исполнит твой приказ?

– Уверен.

– Зря! – посочувствовал ему Антиарх.

Он уставился на спешащего вдоль борта матроса. В следующее мгновение парень неожиданно споткнулся и повалил-

⁹ Носовой парус.

ся на палубу.

Антиарх оттолкнул капитана, вытер руки подолом его туники и, ни слова не говоря, направился в сторону кормы, где была расположена его каюта.

Капитан неожиданно набычился и подозвал корабельного прокуратора. Тот, словно дожидаясь оклика, тут же поспешил к начальнику.

К удивлению капитана, одноглазый первым начал разговор. Он скромно предупредил:

– Не связывайся с этим вонючим старикашкой, Филон, иначе... – Одноглазый не договорил и несколько раз потыкал вниз указательным пальцем, – или... – на этот раз прокуратор ребром ладони чиркнул себя по горлу.

От такой наглости капитан потерял дар речи. Лицо налилось кровью, однако ему пришлось смирить себя. Он вспомнил предупреждение хозяина, который строго-настрого приказал не ввязываться ни в какие истории, пока не доставит груз в Италию.

– ...на обратном пути можешь порезвиться, – закончил купец. – Но только при условии, что все концы в воду. Не забывай, что ты внес залог за судно. Впрочем, я тебя всегда сумею отыскать.

Успокаивался долго... Оглядывал горизонт, хватался за поручни, требовал от матросов «шевелиться» и, только остыв, направился к себе в каюту.

В Остии – морских воротах Рима – Антиарх с компанией не рискнул при свете дня покинуть судно.

Дождался ночи.

Ушли сразу после заката.

На пристани их ждала крытая повозка, которая после того, как все пассажиры влезли под выбеленный дождями балдахин, тут же тронулась.

Капитан подозвал прокуратора:

– Когда прибудем в Антиохию, можешь сообщить хозяину, что груз доставлен в целости и сохранности.

– Обязательно, – кивнул тот. – Именно в целости и сохранности. Штука в штуку. Знаешь, Филон, нам с тобой надо бы поскорее выгрузить товар и побыстрее уносить отсюда ноги.

– С чего бы это? – вновь набычился капитан.

– Не знаю. Сердце подсказывает. В Риме сейчас начнутся такие дела, что провинциалам, особенно храбрым мореходам, следует держаться от них подальше.

– Это тебе кто шепнул?

– Да уж... – неопределенно ответил одноглазый и добавил: – Говорят, новый принцепс трусоват. Утверждают, мягковат на казни, привязан к каким-то писулькам. В Азии отметился тем, что все больше хватался за увещевания. Любит

прощать. Это гнилой товар, когда каждый из сильных готов примерить на себя императорский венец.

Помолчав, добавил:

– Этот старикашка не зря здесь появился...

Глава 2

Сразу после восхода солнца повозка доставила Антиарха к городским стенам. Перед Остийскими воротами, возле пирамиды Цестия, пассажиры выгрузились.

– Дальше пойдем пешком, – предупредил Антиарх и возмутился: – Да не пяльтесь вы на эту пирамиду! Здесь таких чудес навалом. Если все пойдет как задумано, сами соорудим что-нибудь сногшибательное. Храм гостеприимного Ангела, например...

Сказать легко, трудно сделать! Оторвать провинциалов, в первый раз оказавшихся в столице мира, от разглядывания высокой пирамиды, напоминающей знаменитые египетские сооружения (разве что только высотой эта достопримечательность Вечного города уступала им), было невозможно.

Пришлось Антиарху посохом подталкивать спутников. В конце концов он взял Пантею за руку, а Исфаила предупредил: «Если не перестанешь пялиться, тебе будет очень больно. – Потом приказал: – Возьми за руку Викса. Присматривай за ним, а не то...»

Выглядевший малолеткой Википед, успевший побывать в

Вечном городе, ехидно предложил эфиопу:

– Посадил бы меня на плечи, я бы тебе все рассказал...

Исфайл резанул его взглядом, и Википед сразу сам схватил негра за руку.

Это была необходимая мера, чтобы не потеряться, так как городские улицы плотнели на глазах.

В Риме в ту пору на сравнительно небольшой территории проживало около полутора миллионов жителей, так что скученность здесь была умопомрачительная. Сказать, что в толпе было тесно – ничего не сказать, и это притом, что все вокруг мчались как оглашенные. Кто спешил с грузом, кто без груза, с посылками и без посылок, с солдатскими узлами за плечами и ношей на шее.

По распоряжению, изданному еще во времена Юлия Цезаря, телеги, рыдваны, брички, подвозившие товары, могли использоваться в городе только в темное время суток. В светлое время по городу разрешалось перемещаться исключительно пешим ходом или верхом. Можно было также использовать ручные паланкины, особенно если у его хозяина имелись могучие, шагавшие, не глядя себе под ноги, рабы. Молодцы вздымали носилки на плечи, и только попробуй оказаться у них на пути. Ударами ноги они расшвыривали зазевавшихся прохожих.

Все спешили в сторону рынков, то есть по направлению к республиканскому форуму.

Добравшись до Большого цирка¹⁰, успев нахвататься пинков, толчков и тычков, научившись давать сдачи, спутники старика невольно притормозили.

Некоторое время приезжие провинциалы, разинув рты, разглядывали Большой цирк. С ними ничего нельзя было поделать.

Антиарх с досады плюнул.

Время поджимало.

С каждым часом ему все более становилось не по себе. Близились позднее утро, когда из своих домов начинали выбираться представители высших сословий, которым лучше не попадаться на глаза. Дело не в возможности быть узнаваемым – столько лет прошло, да и трусливым Антиарх никогда не был. Не будь рядом его спутников, он даже капюшон с головы бы скинул.

Опыт переменчивой рискованной жизни подсказывал – крайне небезопасно при свете дня тащить через город всю эту обузу. Антиарх, тайно появившись в Риме, рассчитывал незамеченным раствориться на его улицах. Лечь на дно, осмотреться, найти старых друзей, а тут такие пугала, которых приходилось постоянно увещевать прибавить ход.

Каждый из его спутников был по-своему примечателен. Всякая мразь на пути заинтересованно приглядывалась к вы-

¹⁰ В Древнем Риме самый обширный, длиной до 600 м, ипподром. Вместимость – 250 тысяч зрителей. Располагался в долине между холмами Авентин и Паладин. В соревнованиях на ипподроме могло одновременно принимать участие 12 колесниц.

сокому, чернокожему, мускулистому громиле и таинственной красотке, чьи прелести были чрезвычайно приманчивы для всего мужского поголовья Рима. Даже на Викса обращали внимание – опытные прохожие, привлеченные странным малолетством незнакомого эроменоса, не раз и не два оглядывались на него. Глаза у Викса, несмотря на облик двенадцатилетнего молокососа, были предательски блудливы и разборчивы.

Антиарх знал римлян – о физических достоинствах Исфаила, прелестях неизвестной соблазнительницы, странном малолетстве Викса, заговорят.

И будут говорить!..

Не дай Христ, какой-нибудь уличный ублюдок проследит за эфиопом и донесет местному ланисте. Хозяева гладиаторских школ люди хваткие, хороший товар они никогда не упустят. Сразу отыщут в многолюдном Риме такого статного бойца, как Исфаил, самой фортунной предназначенного для боев на арене.

...Пантею могли узреть из-за шторок. В Риме хватало богатых сладострастников, которые не станут церемониться с какой-то провинциалкой. Вон как покачивает бедрами, то и дело поправляя сбивающуюся шаль, демонстрируя аппетитное личико и не менее аппетитные груди. Стартовую закалку астартовой блудницы от пронизательного взгляда не спрячешь, а в Риме опытных сводников всегда хватало.

За компанию и Викс сойдет – вон как на него глянул какой-то пристрастник мужских прелестей.

И бросить их нельзя.

Разделить тоже.

Ждать тоже нельзя.

С другой стороны, что-то подсказывало – в первый день можно рискнуть! В этом тоже была какая-то подспудная зацепка – если эти первые часы пребывания в Риме останутся незамеченными, значит, судьба на его стороне, и эта поддержка имела очень важное значение в том деле, ради которого он вернулся в Рим.

* * *

К сожалению, попытка обвести фортуна вокруг пальца дорого обошлась заядлому приверженцу непримиримых различий между светом и тьмой, только узнал он об этом слишком поздно.

Узнал и очень сильно пожалел.

Согласно давней договоренности, в Риме его приютил бывший подручный Витразин. После поимки банды Сацердаты Витразина продали в гладиаторы, однако парень и там сумел не только выжить, но и сколотить состояние. Витразин обзавелся собственным домом, расположенным на Квиринальском холме.

Там Антиарх и остановился.

Без особых почестей, но и без презрительного снисхождения. Однако неделю спустя бывший гладиатор потребовал от гостей, чтобы те «убирались из его дома».

Сроку дал два дня – «и чтобы все тихо, как пришли, так и ушли».

...Разговор случился под вечер. Слуга, поднявшись на антресоли, где незваным гостям были выделены две комнаты, передал распоряжение зайти к хозяину.

Антиарх сразу заподозрил неладное. Он спустился с антресолей и, миновав внутренний дворик-перистиль, вошел в покои хозяина.

Витразин, облачившись в тогу и рассматривая себя так и этак, важно прохаживался перед громадным металлическим зеркалом.

Старик опешил.

Бывший гладиатор – и в тоге!!

Витразин совсем рехнулся? Мечтает очутиться в Мартергинском карцере за публичное оскорбление достоинства римского народа? Только свободные граждане могли облачаться в тогу, а этот кто? Вшивый раб, презренный гладиатор, сумевший выкарабкаться из смертельной игры с оружием, лицезнению которой с таким восторгом предавалась римская толпа.

Сacerдате в молодости самому приходилось выступить на арене. Выжить ему помогло легионерское обучение и закал-

ка в дакийском походе. Срезал он двух германцев и после одержанной на арене победы включил мозги. Прикинул так и этак. Сам по себе побег из расположенной в Капуе гладиаторской казармы был исключительно труден, но возможен, однако полной уверенности в будущем безопасном существовании такой исход не давал.

Помог случай...

Однажды хозяин гладиаторской школы завел с ним странный разговор. Мол, если он хочет и дальше оставаться в живых, надо будет услужить ему, Проперцию Стрибону, владельцу его жизни и смерти. И не только ему, но и некоей даме, которая очень охоча до людей, сумевших только что выскользнуть из могилы.

– Но об этом следует помалкивать, – предупредил Проперций. – Если будешь держать язык за зубами, станешь надсмотрщиком. Еще и удовольствие получишь.

Сацердата согласился, и однажды вечером, сразу после с трудом выигранного поединка, в сопровождении двух стражей его отвели в богатый дом, где проживал один из известных в городе магистратов. Там его ждала хозяйка, перед которой он сообразил предстать таким наивным и глуповатым простачком, восхищенным честью, которую оказала ему римская гражданка.

Сацердата не очень-то распаялся при виде женских прелестей, однако натешить хозяйку ему не составило большого труда. Когда женщина захрапела, его мысли закрутились во-

круг самого важного вопроса, который не давал ему ни минуты покоя.

Как добыть свободу?

С точки зрения философов, которых в ту пору расплодилось в Риме видимо-невидимо и которых Сацердата откровенно презирал, ответ был ясен: начинать надо с самого себя. Правда, понимал он этот совет несколько иначе, чем рекомендовали бродячие «мудрецы», которые, взывая к разуму слушающих, требовали от них нравственного самоусовершенствования. Этим – укреплением добродетели – следовало заниматься каждый день, от поступка к поступку, не тратя время на *безразличное* или, что еще хуже, на *порочное*.

Как бы не так, решил Сацердата. Если уж начинать с самого себя, то для начала неплохо обзавестись деньгами, затем властью над теми, от кого он зависел.

Хотя бы над ланистой Стрибоном!..

Понятно, восхождение к достойной жизни всегда начинается с малого, но где найти это малое?

...Дождавшись, когда женщина заснет, он решил обыскать хозяйские покои.

Рассчитал все точно – хозяина, местного воротилу из сословия всадников, разбогатевшего на поставках в армию, дома быть не могло, следовательно, самое время домашним рабам расслабиться. Этим он и воспользовался. Отыскав драгоценности хозяйки, взял что подороже и спрятал так, что

ни при каком ощупывании их нельзя было отыскать.

Сацердата всегда отличался исключительной предусмотрительностью – его действительно обыскали, когда он еще затемно собрался покинуть этот дом.

В следующий раз, угодив хозяйке, то и дело называвшей его «мой отважный бычок», он стащил перстень. Камень, в обрамлении лавровых листьев, был очень большой и развалистый. Было очень больно, но Сацердата стерпел.

Через неделю, сумев выбрать момент, он проник в служебное помещение школы, где ему повезло добыть кое-какие важные бумаги, уличающие ланисту в обмане своих компаньонов. На следующий день он после посещения матроны не вернулся в казарму, а отправился в Рим. Около полудня, при дневном свете, его схватили на Аппиевой дороге, доставили в Капую, поставили перед ланистой, который, обозвав его поганым и неблагодарным псом, пригрозил самой жуткой казнью, которую только мог выдумать, – поединком с хищными зверями. Это было жуткое и худшее наказание, ведь если зверь не добьет бестиария на арене, а всего лишь вырвет ему внутренности, после излечения тому вновь придется повторить поединок.

Сацердата вздрогнул, однако, заранее подготовившись к допросу, сумел сохранить присутствие духа и объявил, что ланиста играет с огнем.

Тот, никогда не занимавшийся рукоприкладством, ударил строптивного раба так, что Сацердата на миг потерял созна-

ние.

Но не самообладание.

Очнувшись, Сацердата предупредил: если хозяин еще раз ударит, ему очень не поздоровится. Его компаньон из местных высокопоставленных магистратов, а также супруг известной ему матроны, очень заинтересуются некоторыми сведениями, которые касаются мошенничества при покупке живого товара, который позволил себе «уважаемый хозяин школы».

Шанс выжить был минимальный, но другого не было. Услышав эти слова, ланиста, который уже занес руку, притормозил кулак. Сацердата понял, что фортуна на его стороне.

– Что ты хочешь этим сказать, негодяй?!

– Если ударишь еще раз, сам выйдешь на арену. Городской прокуратор и твой компаньон будут извещены, как ты, уважаемый хозяин, обвел их вокруг пальца с последней и предыдущими сделками.

Проперций Стрибон отвел кулак.

– ...Но и это полбеды. Твоего компаньона также известят, что его почтенная супруга, изменившая ему с презренным гладиатором, расплачивалась с рабом самым постыдным образом – драгоценностями, которые покупал ей муж.

Эта угроза заставила Проперция задуматься.

Появление матроны, которая, обнаружив пропажу драгоценностей, бросилась к ланисте за помощью, окончательно

привело его в чувство.

Какой скандал она закатила, Сацердата не знал, но догадался по резко помягчевшему тону хозяина школы... будто бы он, презренный негодяй, предварительно прощен и будет назначен надсмотрщиком. Сацердата знал, что верить этим словам нельзя. Не убьют на арене, зарежут ночью.

Конец один...

Он отказался от должности надсмотрщика и потребовал выпустить его на свободу, чего в принципе не могло быть. Рабов в Риме освобождали в редчайших случаях, когда, например, хозяин публично отказался от находящегося при смерти раба, а тот возьми и выживи. Чаще переводили в вольноотпущенники, а положение этого сорта римлян тоже было очень далеко от полноценного гражданства.

Проперций Страбон так и спросил Сацердату – соображает ли он, что говорит?

Тот ответил – соображаю.

– Я сбегу из школы, а ты два месяца не будешь подавать на меня в розыск. Все остальное я беру на себя. Если через два месяца твои люди прирежут меня, значит, я проиграл.

– Побег в обмен на бумаги?

– Да, хозяин.

– А драгоценности?

– Драгоценности останутся у меня в качестве залога. Матрона все равно никогда не признается в их утрате. Я же, попавшись в руки городского эдила, скажу, что это плата за

удовольствия. Ее супруг не станет раздувать дело, причем не важно, поверит он или нет.

Через неделю, уже простившись с жизнью и моля о легкой смерти, Сацердата получил ответ.

Ланиста заявил, что согласен. «Бежать ты, презренный, сможешь через неделю. Тебя месяц не будут разыскивать».

Сацердата поклонился – в первый и последний раз в жизни – и бежал на следующий день.

Пристроился в Риме, нашел покровителя в лице сенатора Аквилія Регула, открыл мастерскую по изготовлению надгробных памятников и в первый раз вздохнул с облегчением. Исполняя тайные поручения сенатора, вволю насмотрелся на нравы сильных в Риме. Убив сенатора Красса и доставив его голову Регулу, Сацердата с нескрываемым изумлением наблюдал, как обрадованный сенатор вцепился зубами в ухо отделенной от туловища головы.

После этого, тайно пробравшись в Капую с подельниками, он лично зарезал Проперция Стрибона. Дела Сацердаты сразу пошли в гору. Правда, после убийства в доме Проперция казнили каждого десятого раба.

* * *

Теперь его ожидал тяжелый разговор с одуревшим от славы и денег Витразином, с презренным рабом, который посмел напялить на себя тогу.

Для начала Антиарх по привычке схватился за голову: как ты жесток и безжалостен, Витразин! Ты забыл оказанные тебе благодеяния. Ты гонишь меня на улицу или даже на смерть...

И тому подобную чепуху, на которую Витразин, очень даже неглупый человек, все-таки клюнул. Начал оправдываться и валить вину на самого гостя, который оказался настолько беспечен, что позволил себе открыто разгуливать по Риму, чем навлек на себя внимание высших властей.

Далее Витразин заговорил грубее и громче:

– Тебя видели возле Колизеума. Твои люди пялились на Колоса. На них обращали внимание. Кто-то узнал тебя. Он тут же побежал к префекту города и донес. Теперь ожидает награду, ведь за твою голову назначена щедрая награда, не так ли? Я помню твои благодеяния. Я приютил тебя, но ты был неосторожен, и я требую, чтобы этой же ночью ты и твои люди покинули мой дом.

– Куда я пойду, Витразин? – дрожащим голосом спросил Антиарх. – Где найду приют?

– Тебе решать, – огрызнулся Витразин. – И не путай меня в свои скверные делишки!

– Ты плохо думаешь обо мне, Витразин, – простонал старик. – Зачем я буду путать тебя в свои скверные делишки, если ты увяз в них по самое горло.

– Кто? Я?.. – возмутился гладиатор, потом воскликнул: – Я так и знал, что попрекнешь меня прошлым! Так знай, я

прощен. Меня записали в вольноотпущенники и наградили почетным деревянным мечом.

– Прощен? Я не ослышался? Прошлое как тень, оно всегда с тобой. Прошлое ходит за тобой след в след. Стоит взойти солнцу, как оно тут же подскажет, кто ты есть, и никакое прощение, никакие восторги публики и наградные деревянные мечи не спасут тебя от тех, чьих родственников ты отправил в Аид. Кто принимал участие в убийстве сенатора Цинны? Кто нанес ему смертельный удар мечом в горло? Я понимаю, ты таким образом тренировался в нанесении окончательного разящего удара, но у Цинны много родни. Они вряд ли забыли о злодейском убийстве своего патрона.

Витразин сразу сбавил тон.

– Это было давно и неправда. Ты ничего не сможешь доказать. Все твои дружки давным-давно в могиле. – Он сделал паузу и предложил: – Хорошо, я готов подождать несколько дней, но за это ты должен написать дарственную на твоих рабов.

– На твоё имя? – поинтересовался Антиарх.

– Да.

– Вот это другой разговор. – Старик потер руки. – Вот это по-нашему, по-братски. Ты ловко рассудил, Витразин. Исфаила ты продашь в гладиаторы. Он потянет на очень приличную сумму. Пантею сбagriшь в бордель – прости, в лупанарий – или предложишь кому-нибудь из преемников Уммия Квадрата, у которого, помнится, на каждой вилле проживало

по десятку наложниц. Викса тоже куда-нибудь пристроишь. В эроменосы, например... Только все твои расчеты подобны убегающей сквозь пальцы воде. Ты, наверное, забыл, с кем имеешь дело. Эти люди и не люди вовсе, а тени людей, им лишит тебя жизни что раз плюнуть.

– Если отказываешься, тогда этой же ночью покинь мой дом! – настоятельно потребовал Витразин.

– Обязательно покину, но не завтра, а когда ты подберешь мне убежище. И покинем мы вчетвером, и сопровождать, а также охранять нас будут твои люди. Если проявишь строптивость, тогда не миновать беды. Я не хочу пугать тебя, Витразин, но в этом случае тебе не миновать встречи с городским префектом. Или, что еще хуже, ты можешь оказаться в руках таинственных существ, которые появляются из тени...

Витразин не ответил. Принялся пилкой подтачивать ногти, потом тихо выговорил:

– Я знаю тебя, Сацердата. Ты слов на ветер не бросаешь. Однако и мне рисковать ни к чему. И ради чего? Ради какого-то случайного знакомства? Ты на что рассчитывал, старик? Отыскать в городе еще одного Регула и предложить ему свои услуги? К сожалению, ты ошибся. С воцарением Траяна у нас в Риме наступила эра милосердия. Доносы, а также кровавые заказы не принимаются. Но эту оказию еще можно было бы пережить. Куда хуже пошли дела при Адриане. Этот сумел согнуть в бараний рог самых отъявленных своевольцев. Теперь пришел черед Антонина, о котором говорят,

что этот зануда – буквально язва благоразумия, воплощенная добродетель. Я лично в это не верю, но мало ли... Конечно, Регулов в Риме всегда хватало, однако вряд ли они станут рисковать, обращаясь за помощью к государственно-преступнику во время смены власти.

– Ты прав при свете дня и не прав во мраке ночи, – возразил Антиарх. – Я вовсе не рассчитываю на опеку какого-нибудь отъявленного патриция. Мне не нужна опека, я не в том возрасте.

– Но отказываясь стать чьим-нибудь клиентом, тебе в Риме не выжить.

– И в этом ты прав. Хорошо, я уйду завтра. В свое время... После заката. Поэтому, если ты так спешишь, успевай до вечера подобрать нам убежище, куда нас проводит твой человек.

– Что я буду за это иметь?

– Ты поможешь мне в одном очень важном деле. Ты слышал об Аквиллии Регуле Люпусиае?

Витразин едва не задохнулся от гнева, даже выронил пилочку для ногтей.

– Кто же не слышал о мерзком вольноотпущеннике, владевшем стомиллионным состоянием Регула!

– Вот им и надо заняться.

– Ты в своем уме, старый интриган?!

– Не только в своем, но и в твоём, Витразин. Я вижу тебя насквозь, тебе очень не по нраву положение вольноотпущенника. Тебе никогда не сиделось на том месте, которое было

определено тебе судьбой. Всем известно, что в Риме путь на выбранные должности вольноотпущеннику заказан. Ты давно метишь в свободнорожденные граждане, чтобы взобраться куда-нибудь повыше – в городские эдилы, например, а то и в квесторы, не так ли?

Витразин промолчал. Он поднял пилочку и снова принялся подравнивать ногти.

Антиарх продолжил:

– Но для такого кульбита нужны деньги, дерзость и поддержка сильных, а у тебя в подручных исключительно дамы, пусть даже из самых знатных, с помощью которых ты выбился в вольноотпущенники. Но главное – деньги. На своих подрядах по доставке хлеба их не наживешь. И в пожарной команде ты никогда не сможешь стать членом коллегии «ночных триумвиров»¹¹. Самое большое, что тебе светит, это дослужиться до советника. Женщины в этом деле тоже не помощницы, разве что ты сможешь окрутить императрицу...

Антиарх рассмеялся и похлопал Витразина по плечу:

– Ты всегда умел и готов был рискнуть. Считаю, что тебе повезло и на этот раз.

– Тем, что встретил тебя, Сацердата? – Витразин сме-

¹¹ В Риме существовала коллегия «ночных триумвиров» (*triumviri nocturni*), главной обязанностью которых было следить в ночное время за порядком в городе и совершать ночные обходы по Риму. Тушение пожаров также входило в их обязанности, для чего в их распоряжении находились когорты государственных рабов-вигилов, которую они расставляли отрядами по 20–30 человек в разных местах; снабжены они были орудиями, необходимыми для тушения пожаров.

рил гостя презрительным взглядом, потом неожиданно спросил: – Что хочешь от меня?

– Во-первых, разузнать все об этом негодяе. Во-вторых, донести префекту города, что Сацердата был у тебя, но ты как верный подданный выпроводил его из дома и, где он сейчас, даже не догадываешься.

Витразин удивленно посмотрел на старика:

– В тебе ни на каплю не убыло коварства, Сацердата. Ты по-прежнему в хорошей форме. Ты требуешь от меня, чтобы я по собственной воле сунул голову в петлю?

Сацердата засмеялся, словно проблеял:

– Жизнь подходит к концу, а еще столько не сделано. Что преступного в том, чтобы разузнать кое-что кое о ком?

– Какова будет моя доля?

– У тебя будет хорошая доля, но главное – в случае успеха ты сможешь на полном основании примерить гражданскую тогу, как бы фантастично это ни звучало.

Витразин кивнул:

– По рукам.

Глава 3

Два последних года, во время которых Адриан безуспешно боролся с болезнями, город прожил в тревожном ожидании роковых последствий смены власти.

Такое в Риме уже случалось – после убийства Цезаря, по-

сле гибели Калигулы и Нерона, когда в гражданских войнах погибло больше граждан, чем на полях сражений с иноземцами.

Прежняя безмятежная уверенность в том, что «приверженец философии и отъявленный законник» сумеет обуздать склочные свойства своей натуры – мелочность, злопамятность, изматывающий всех приближенных к власти педантизм, – развеялась, когда в 136 году Адриан неожиданно объявил о назначении Луция Цейония Коммода своим наследником. Неужели любовные утехы, которые Луций предоставлял императору, или умение готовить знаменитый «тетрафармакон»¹² заставили далеко не глупого Адриана обещать Луцию императорский венок?

Император мотивировал свое решение тем, что когда-то дал слово привлечь Луция Цейония к управлению страной. Более странную причину для усыновления трудно было придумать.

Сначала никто в Риме не воспринял эту новость как скрытую угрозу, тем более что по случаю усыновления была произведена раздача народу и воинам трехсот миллионов сестерциев, устроены цирковые игры – одним словом, не было упущено ничего, что могло бы поднять общее веселье. Даже слабое здоровье будущего принцепса – к моменту объявления цезарем он и вовсе выглядел как доходяга – не сразу по-

¹² Блюдо, напоминающее паштет и вошедшее в обиход Адриана, состоящее из свиного вымени, фазана, павлина, запеченного окорока и кабаньего мяса.

дорвало веру в надежность этого выбора для блага империи.

Первым звонком приближавшейся смуты прозвучало раскаяние императора, признавшегося тогдашнему префекту претория Катилию Юлию Севэру: «...Мы оперлись на довольно шаткую стену, которая не то что государство, но даже нас с трудом может поддерживать».

Префект разгласил эти слова, и, хотя Адриан, желая смягчить жестокость своих слов, сменил префекта, беспокойство в городе резко усилилось.

Родственники императора, а также некоторые пронизательные патриции уже не могли не обращать внимание на то, что Адриан все чаще впадал в болезненную меланхолию, усиленную приступами преследующих его болезней.

К сожалению, так бывает, что «пронизательность», «старческая» мудрость и «близость ко двору» никак не связаны с расчетливым, умеющим обуздывать телесные страсти разумом, что спустя полгода подтвердила расправа над императорским шурином Юлием Урсом Сервианом.

Того будто с цепи спустили!..

Девяностолетний старик зачем-то устроил роскошный обед царским рабам и, что еще страшнее, несколько раз его заставляли сидящим вразвалку на императорском кресле. Внук Сервиана Гней Педаний Фуск, тоже, видно, не от большого ума, публично объявил о знамениях и оракулах, предсказывающих ему императорскую власть.

Адриан в припадке ярости принудил старика покончить с

собой, а Фуска велел предать казни.

* * *

В январе 138 года Луций Цейоний Комод умер. Пришлось императору вновь выбирать наследника.

Спустя месяц было объявлено об усыновлении, а значит, и признании наследником пятидесятидвухлетнего сенатора Тита Аврелия Бойония Фульва Антонина.

Весть о том, что, усыновляя Тита Антонина, Адриан потребовал от сенатора также усыновить своего внучатого племянника Марка Аврелия и девятилетнего сына Луция Вера – тоже Луция Вера, – в городе сочли либо насмешкой, либо прямым свидетельством того, что «бородатый» окончательно спятил.

Казалось, преждевременная кончина Луция должна была просветить мозги «бородатому». Риму требовался твердый в намерениях и отважный на поле брани преемник.

А он кого выбрал?!

Рохлю и домоседа Антонина, который отличался от других претендентов разве что скромностью в желаниях. О нем в сенате даже стишки ходили: «наш Антонин более похож на кота», чьими забавами являются «еда, еда и изредка кошки». Что еще невероятней, вдобавок к Антонину Адриан привлек к управлению страной двух молокососов. Причем оба – особенно старший, семнадцатилетний Марк Аврелий – были из-

вестны как страстные поклонники греческой философии.

Тита Антонина, Марка Аврелия и Луция Вера в Риме в насмешку сразу прозвали «наши очередные триумвиры», намекая на прежние властные конструкции, свергнувшие Рим в братоубийственные гражданские войны, от которых Италия пострадала не менее, чем от вторжения галлов и Ганнибала. По мнению римлян, особенно из старинных патрицианских родов, Адриан отдал Марка и Луция на заклятие, так как ради сохранения власти Антонин непременно должен погубить их обоих. Если, конечно, не будет мямлей и в срочном порядке изобретет какой-нибудь заговор против собственной власти.

Если промямлит, его устранил подросший Марк Аврелий, какими бы достойными добродетелями ни наградила его природа.

* * *

Марк Аврелий обратил на себя внимание Адриана малолетним ребенком. Однажды его дед Анний Вер взял мальчика с собой на императорскую виллу в Тибур.

Адриан приставил к Марку раба, который должен был познакомить внучатого племянника с рукотворными и нерукотворными чудесами, собранными на вилле, а сам вместе с гостями – Аннием Вером и Титом Антонином – отправился в личные покои поговорить о делах.

Императорскую дачу в Тибуре называли восьмым чудом света, а еще сокровищницей, где можно было воочию увидеть пусть и уменьшенные, но очень впечатляющие копии египетских пирамид, фессалийские Темпы¹³, родосский Колосс и алтарь Зевса, что в Пергаме. Здесь также были построены Лабиринт и подземное царство – владение мрачного Аида, а также воссоздана часть дворца царя Вавилона Навуходоносора. Место было священное, историческое – в этом парадном зале на открытом воздухе четыре века назад был установлен помост, на котором покоилось тело умершего от простуды Александра Македонского, и вся армия, воин за воином, прошла мимо умирающего полководца.

На противоположной стене парадного зала была выложена знаменитая мозаика, изображавшая переломный момент битвы на Иссе, когда Александр лично возглавил атаку своей тяжелой конницы, сокрушившей орды персов. Исполинское изображение занимало всю стену.

Мозаика была громадна, и, чтобы разом охватить ее взглядом, маленький Марк начал пятиться, пока не уперся в какое-то препятствие. Он поднажал, и в следующее мгновение мельком приметил прекрасную вазу из молочно-белого, просвечивающего алебастра, грациозно и замедленно падающую на каменные плиты.

В следующее мгновение молодой, изящного телосложе-

¹³ Одна из самых живописных горных долин, находившаяся в Фессалии, в Греции.

ния раб бросился собирать осколки. На сына римского патриция, неуверенно отступившего в тень, он старался не смотреть.

... У мальчишки дыхание перехватило, когда на двор в сопровождении своего секретаря Целера, дедушки Анния Вера и сенатора Тита Антонина вошел император.

Адриан не спеша подошел к рабу. Тот замер, головы не поднял.

– Зачем ты тронул ее? – ласково спросил император. – Разве ты не знаешь, что в одиночку здесь ни к чему нельзя прикасаться. Ты будешь наказан.

– Господин... – не поднимая головы, судорожно выдохнул раб.

– Говори, – кивнул император, – если тебе есть что сказать в свое оправдание.

– Господин... – с той же тоской повторил раб.

– Целер, займись, – коротко распорядился Адриан и большим пальцем правой руки ткнул в землю, затем обратился к Аннию Вера: – Где же твой внук, Анний?

Марк вышел из тени, поспешно приблизился и неожиданно бурно разрыдался.

Взрослые с любопытством, а Адриан с некоторой брезгливостью смотрели на него. Зрелище скривившего губы, роняющего слезы мальчишки трудно было назвать прекрасным.

– Повелитель, – торопливо, пытаясь совладать с голосом,

заявил Марк, – раб не виноват. Это я разбил вазу.

Брезгливость на лице Адриана сменилась удивлением. Также поспешая, Марк добавил:

– Повелитель, ты обязан пощадить его. – Мальчик ткнул пальцем в поднявшего голову раба и добавил: – И наказать меня, как того требует закон.

Марк большим пальцем правой руки потыкал в каменные плиты, которыми был выложен двор.

Адриан оглушительно расхохотался. Его поддержал Целер и Антонин, даже дед, до той поры оторопело следивший за внуком, выдавил улыбку. Император присел на корточки, взял мальчика за плечо.

– Во-первых, племянник, повелитель никому и ничем не обязан, – объяснил он. – Во-вторых, императору не к лицу выносить поспешные решения. Прежде всего, ему необходимо научиться докапываться до истины – это его первейшая обязанность. Если в расследовании проступка обнаружались новые обстоятельства, принцепс имеет право взять свое слово назад. Посему я прощаю тебя.

Адриан с некоторым усилием выпрямился, осмелевший Марк глянул на него.

– Когда станешь правителем, – усмехнулся император, – вспомни, что первый урок, как следует властвовать, преподавал тебе сам Адриан.

– Но я не хочу быть правителем. Я люблю играть в мяч, люблю смотреть, как дерутся перепела.

Адриан пожал плечами:

– Быть или не быть правителем, сие от нас не зависит. Задумайся, племянник, каково мне было стать императором после божественного Траяна? Что касается перепелов? – Император поиграл бровями. – Это пустое...

После встречи на вилле о Марке заговорили. Адриан назвал его не Вер, но «вериссим»¹⁴, и среди римлян покатила шутка: «В такие годы, а уже вериссим! Что же с ним дальше будет?»

Кое-кто из проницательных остроумцев добавлял при этом: «А с нами?»

* * *

Вспоминая этот случай, в Риме задавались вопросом – когда Марк повзрослеет, удовлетворится ли он изучением философии или для начала попробует проверить преподанную Адрианом науку на практике и заодно покончить с Титом? А вслед подрастал еще Луций Вер, чей дед Цейоний никогда не скрывал своих претензий на императорскую власть. Кто мог заранее подсказать, какой философией воспользуется его внук в этом не поддающемся трезвому расчету, властном раскладе?

Эти ожидания подкреплялись жуткими знаменьями, гря-

¹⁴ Здесь игра слов. На латинском «вер» означает правдивый, «вериссим» – превосходная степень.

нувшими в начале года и обещавшими городу ужасы и чувства, более сильные, нежели ужас. На земле для них не было наименования.

Сразу после кончины Адриана сиявшая на ясном небе луна начала меркнуть. На следующей неделе на Капитолий сели зловещие птицы. Во время землетрясения от следовавших друг за другом толчков обрушились дома, а в Капуе родился ребенок со звериными членами. В Кампании свинья произвела поросенка с ястребиными когтями.

Все – и воля богов, и «безумие» умершего императора – подсказывало, что ясное и спокойное Траяново время подходит к концу. Пророчицы в Риме открыто предрекали – ждите беды. Она обязательно нагрянет.

Чем эти отважные триумвиры – «добряк и два внука» – собираются отвадить тьму?

Заклинаниями?

Убежденностью, что свет всегда разгоняет мрак? Но это когда будет, а пока день меркнет, приближаются сумерки, наползают тени...

Мертвый груз будущего придавил город. Смертные затаились в ожидании – долго ли продержится Антонин со своими приемами? Спасаясь, твердили: «Живи, резвись и радуйся, люби и будь любимым...»¹⁵ Другие подхватывали: «...бани, вино и любовь разрушают вконец наше тело, но и жизнь

¹⁵ Вот как невыразимо сладостно звучит эта строка на латинском: *vivis, ludis, haves, amas, amaris.*

создают бани, вино и любовь...»

Глава 4

10 июля 138 года в Байях¹⁶ скончался Адриан. Его похоронили в мавзолее, который он заранее возвел на правом берегу Тибра¹⁷.

Первый бой римская знать дала новоиспеченному принцепсу, когда тот обратился в сенат с просьбой об обожествлении Адриана.

В своей речи Антонин указал на непреходящее значение реформ скончавшегося императора для успокоения и длительного обустройства Вечного города.

– ...Так назвал Рим божественный Адриан, – добавил Антонин и продолжил: – Должны ли мы, отцы-сенаторы, забывать, что разбирая судебные дела, он привлекал не только друзей и приближенных, но и знатоков права, и только тех кого одобрил сенат.

Адриан не допускал процессов об оскорблении величества, чем «прославились» такие тираны, как Нерон и Домициан. Он не принимал наследств от незнакомых ему людей, равно как и от знакомых, если у них были дети.

¹⁶ Приморский город в провинции Кампания, на берегу Неаполитанского залива. Благодаря живописному местоположению, плодородию окрестностей и минеральным источникам любимое местопребывание древнеримской аристократии.

¹⁷ В новое время это сооружение стали называть замком Святого Ангела.

Неужели эти осененные законом благодеяния должны быть преданы забвению, а ведь отказ в обожествлении – то есть в признании самого Адриана в принадлежности отечественным богам – означает отказ в признании вынесенных им решений.

Вспомним, что именно Адриан запретил господам убивать рабов, и по его эдикту только судьи получили полномочия выносить приговор, если рабы того заслужили. Он запретил продавать без объяснения причин раба или служанку своднику или содержателю гладиаторской школы, чем облагодетельствовал миллионы несчастных, которые в противном случае копили бы ненависть и злобу против Рима.

Вспомним, что злостных расточителей своего имущества, если они были правоспособны, он приказывал сечь в амфитеатре, а затем отпускать. Он упразднил тюрьмы, в которых содержались рабы и свободные люди, выловленные на дорогах и назначенные к работе.

Не забывайте, что согласно его предписанию, если господин был убит у себя в доме, следствие производилось не обо всех рабах, а только о тех, которые, находясь поблизости, могли услышать.

Он разделил бани на мужские и женские отделения.

В зале раздались негодующие возгласы:

– Эта мера – грубейшее святотатство! Покушение на установления предков!.. Бессмысленная и поспешная забота о

правах нередко приводит к обратному результату...

Антонин ткнул пальцем в особенно разволновавшегося сенатора Валерия Деция Гомула:

– Тогда почему ты, Гомул, запрещаешь женщинам своего дома посещать общественные бани?

– Кто? Я?? – возмутился седовласый, знаменитый огромным выступающим, словно руль, носом сенатор. – Я всегда с достоинством следовал обычаям и почтительно исполнял законам Рима. Я всегда выступал против тирании и приверженности к гнусным и своевольным поступкам некоторых, непонятно как пробравшихся к власти злодеев, таких как Нерон или Калигула.

Он помедлил немного, обернулся, оглядел зал и под одобрительные возгласы большинства сенаторов произнес недопустимые слова:

– ...или Адриан!

Антонин поднялся вперед.

В зале примолкли.

– Насколько я помню, именно ты, Гомул, внес предложение о назначении Адриана принцепсом.

– Когда это было?! Этого не было!.. – взвизгнул Гомул.

– Это было после выступления Ларция Лонга, префекта конницы, который принес клятву в том, что он лично слышал, как великий Траян признал Адриана своим сыном и передал ему перстень и жезл.

Гомул покраснел, однако Антонин более не позволил из-

вестному горлопану надрывать глотку.

– Если ты будешь настаивать, я прикажу поднять анналы и зачитать публично твое выступление.

Гомул сел.

Цивика, дядя девятилетнего Луция Вера, один из самых уважаемых сенаторов, выдвинул предложение отложить дебаты. Перенести их, например, на завтра, чтобы в спокойном состоянии, без личных обид и ненужных в таком деле страстей решить этот вопрос. Его поддержал старый, но еще крепкий бывший префект города и воспитатель умершего императора Публий Ацилий Аттиан. Ему всегда хватало выдержки и умения дождаться своего часа.

Он подал голос в самый опасный момент, когда Антонин, срезав Гомула, мог склонить большую часть сенаторов поддержать его требование провозгласить умершего императора «божественным». С этим, по мнению Аттиана и его тайных соратников, ни в коем случае нельзя было соглашаться, тем более так поспешно.

Его поддержал Теренций Генциан и Платорий Непот.

Новый принцепс не стал спорить и утвердил решение большинства.

* * *

Вечером, на тайной встрече сенаторов, возмущенных выбором «свихнувшегося» Адриана, один из главных недругов

царствующей семьи Элиев, Цивика Барбар выразил сомнение в искренности такого легкого согласия Антонина.

Не задумал ли новый принцепс какое-нибудь злодейство?

Валерий Гомул вскочил, потребовал слова...

Он заготовил разгромную речь-инвективу против новоявленного «правителя», однако воспитатель Адриана Публий Ацилий Аттиан жестом заставил Гомула вернуться на место. Дряхлеющий, но не потерявший ясности мысли и завидного здоровья сенатор выразился в том смысле, что «человек, у которого под рукой тридцать легионов, может не спешить».

Гомул растерялся, нахмурился и сел. Не такого отношения он ожидал от своих соратников, тем более от старейшины, посмеявшего так грубо и оскорбительно прервать его обличительную речь, к которой он так долго готовился. Гомулу очень хотелось заострить понравившийся ему тезис, что власть в руках слабого, испорченного философскими бреднями человеколюба и, главное, не пользующегося авторитетом принцепса представляет серьезную угрозу для государства. Ему искренне верилось, что он нашел достойный выход из создавшегося положения, в котором с одной стороны стоял ничем не примечательный, почтенный служака и домосед Антонин, а с другой – куда более хваткие, понюхавшие крови в битвах и в борьбе с внутренними врагами магистраты и государственные деятели.

Он к этому вел, а его грубо и беззастенчиво осадили.

И кто?

Человек, который в бытность префектом города лично отдал приказ об убийстве четырех полководцев.

О времена, о нравы! Об этом тоже нестерпимо хотелось поговорить...

Впрочем, ни Ацилий Аттиан, ни другие гости даже внимания не обратили на обиду известного сенатора-краснобая. Все присутствующие знали цену его капризам, среди которых особо выделялась любовь к распусканию гнусных и отравленных сплетен. Именно Гомул пустил слух, что умершая в 137 году супруга Адриана была якобы отравлена по приказу императора. Известна также была его трусоватость, проявленная им в те трагические дни, когда казнили четырех полководцев Траяна. Он тогда первым убежал в кусты.

– Беда, Гомул, не в том, – объяснил свой поступок Ацилий Аттиан, – что Тит так быстро согласился отложить рассмотрение дела по существу, а в том, что мы действуем по зову мелких страстей, каждый сам по себе. В первую очередь это касается тебя, Деций, в который раз поддавшемуся неуместному и несвоевременному словоизвержению! Тем самым мы даем возможность Антонину навязать нам свою волю и, что еще хуже, продолжить капитулянтскую политику своего предшественника. Разве смешанное или раздельное посещение бань грозит Риму какой-нибудь серьезной опасностью?

Смертельная угроза в том, что бородатый поклонник гре-

ков, провозглашая равенство провинций, все эти годы упрямо вел дело к тому, чтобы всех подданных великого Рима объявить равноправными гражданами, а это означает начало конца того наследия, которое завещали нам предки и за которое с такой страстью боролся Траян.

Дело не в слабости или человеколюбии Тита Антонина. Кто из нас стал бы протестовать против отмены отживших законов или против признания за провинциями определенных прав – например, по управлению местными бюджетами, но только после того, как новая власть потребует подтверждения лояльности от всех, кто населяет империю, кто пребывает в ней в любом качестве и будет готов выплатить полновесную дань Риму. Я допускаю, что Антонину, возможно, просто не хватает опыта, умения по-новому взглянуть на проблему. Мы должны помочь ему тщательно разобраться в этом вопросе. Если он откажется, надо навязать ему свою волю. И только если он останется глух к требованиям сената, можно будет принять самые решительные меры...

После паузы, которую он сделал, чтобы все присутствующие на встрече сенаторы осознали, на что они покушаются, закончил:

– Я достоверно знаю, *что* Адриан потребовал от Тита Антонина перед смертью. Наша задача – любой ценой остановить его от исполнения клятвы, которую он дал прежнему принцепсу. Нельзя допустить дальнейшего разрушения государства.

Цивикка Барбар спросил:

– Как же добиться этого?

Бывший префект вздохнул:

– Надо, чтобы сенат большинством вынес постановление, предающее прежнего принцепса *проклятию памяти*.

Наступила тишина.

Проклятие памятью означало вычеркивание имени прежнего императора из анналов, снос всех его скульптурных изображений, а также отмену его постановлений. Более того, в случае принятия этого решения сенат ставил под сомнение законность власти Антонина, что можно было использовать для смещения недостойного империума домоседа.

Каждый из присутствующих ясно осознал, что согласиться с предложением Аттиана означает переступить черту, отделяющую обсуждение от заговора.

Это был шаг в бездну, из которой тенями выступали мятеж, гражданская война, столкновение честолюбий, кровь и пепел.

Первым после долгих размышлений поддержал бывшего префекта хозяин дома, Катилий Север. Затем почти хором к нему присоединились все присутствующие.

Даже Гомул повеселел. Он обратился с вопросом к присутствующим:

– Но тогда нам необходимо договориться, кто возглавит... э-э... оппозицию?

Выговорить слово «заговор» не решился. Никто также не

отважился поправить его. Каждый их собравшихся в доме Катилия сенаторов понимал, что они играют с огнем, и это внушало страх. Кроме страха, была в этой оттяжке решения и липкая струйка лицемерия. Каждый из присутствующих втайне считал себя вполне достойным будущего империума, однако выговорить это вслух никто не отважился.

Тот же Катилий Север в качестве высшего магистрата и как воспитатель новоявленного цезаря Марка Аврелия имел куда больше прав на августов жезл, чем любой из присутствующих.

Или пользующийся незыблемым авторитетом Ацилий Аттиан, который ясно понимал, что набежавшие годы оставляют ему все меньше шансов на верховную власть. Однако он первый призвал «друзей» не спешить с выдвижением центральной фигуры, которая возглавила бы заговор и передать власть которой следует принудить сенат.

Более того, Аттиан внезапно дал задний ход и даже посоветовал не торопиться с «окончательным решением» и попытаться договориться с Антонином, причем действовать предложил решительно и доброжелательно.

– С обожествлением Адриана, – заявил он, – придется согласиться, но за это потребовать достойную цену. Прежде всего добиться согласия Тита на восстановлении в полном объеме прав сената в решении государственных вопросов. Далее, возвращение Катилия Севера на должность городско-го префекта. Также прощение и возвращение гражданских

прав Квинту Марцию Турбону...

– Чем теперь поможешь Турбону, казненному проклятым Адрианом?! – воскликнул Гомул.

– Турбону действительно ничем не поможешь, – согласился Аттиан. – Однако Турбон даже после своей гибели может помочь нам. Главное, под угрозой *проклятия памяти* заставить Антонина сделать шаг назад. Тогда будет легче потребовать отказа от дальнейшего скатывания к плебейскому беспределу, отмене так называемых законов, требующих соблюдения справедливости в отношении рабов, вольноотпущенников и прочей школяты, толпящейся на улицах Рима. Принцип «хлеба и зрелищ» – не следует обставлять никакими заранее вынесенными юридическими уловками, до которых был так охоч мой воспитанник и его нынешний преемник.

Если же Антонин откажется, тогда можно будет прибегнуть к окончательному решению.

* * *

Когда все разошлись, Аттиан, оставшись наедине с Катилием Севером, неожиданно поинтересовался у хозяина дома:

– Что ты слышал о Сацердате?

Катилий не мог скрыть недоумения и ответил в том смысле, что ему известно о существовании эдикта, объявлявшего

разбойника с таким именем вне закона, а также о безуспешных попытках отыскать его в восточных и африканских провинциях.

Потом поинтересовался:

– При чем здесь какой-то разбойник?

Аттиан усмехнулся:

– Верный человек поклялся, что собственными глазами видел Сацердату в городе в компании с каким-то великаном из эфиопов, сладострастной красоткой и пацаном с прожженными до негодяйства глазами.

– И что? – озадаченно переспросил Катилий.

– А то, что тебе должно быть невдомек, что именно Сацердата убрал с нашего пути этого мерзкого мальчишку Антиноя. Вспомни наш гнев и возмущение, которые мы испытывали, когда до нас дошли правдоподобные вести, будто свихнувшийся на поклонении музам и философии Адриан возмечтал возвести его в цезари. Не тебе объяснять, чем это грозило нашему городу. Насколько я помню, мы тогда нашли общий язык – такая передача престола грозила Риму и нам всеми мыслимыми и немыслимыми бедствиями. Вообрази себе принцепса из греков, да еще незаконного происхождения? Мать его, насколько мне известно, служила храмовой шлюхой в святилище Астарты.

Что тогда, Катилий, началось бы в городе? Незатейливая мыслишка: если это можно Антиною, почему нельзя мне – могла бы прийти в голову всякому негодяю. Всякому смер-

дядьему галлу, грязному сирийцу, чернокожему мавританцу, бородатому бритту, напялившему штаны германцу. Рим еще ни разу не переживал такую смуту.

– Я помню наш разговор на эту тему, – с угрюмым видом согласился Катилий, – однако не вижу повода для беспокойства. Государство стоит как никогда прочно, в чем, безусловно, есть и заслуга Адриана, и никакой гречишка нам не угрожает. Нам угрожают расхлябанность, своеобразие, желание отличиться, не имея на то никаких законных оснований. Одним словом, взрыв страстей и вседозволенности...

– И я о том же, – согласился заметно улыбающийся старик. – Но для укрепления государства неплохо бы организовать в Риме что-то подобное легкой незатейливой смуте. В конце концов, цель оправдывает средства. Конечно, нельзя доводить дело до крайностей...

Если ты помнишь наш давнишний разговор, мы пришли к единодушному выводу, только мы с тобой способны выполнить эту задачу, а для этого нам потребуются такие люди, как Сацердата. При его грехах от него можно отделаться в любую минуту. Насколько мне известно, он не только сумел пробраться в Рим, но и ухитрился сплотить вокруг себя какую-то странную и опасную секту. Говорят, ее члены умеют превращаться в тени и наводить панику на каждого, кто посмеет встать у них на пути. Может, стоит приглядеться к Сацердате? Этот бешеный пес на многое способен. Надо заставить его послужить великому Риму! Или мы зря прожили

нашу жизнь, Катилий?

– Если «добряк» примет наши условия и я вернусь в городскую префектуру, мои люди обязательно разыщут этого Сацердату и доставят к тебе.

– Разыскать – да! Доставить – ни к коем случае!! Старому разбойнику надо подсказать, что с ним желает побеседовать его давний недруг, а нынче искренний доброжелатель. Пусть он сам придет ко мне. Понял, Катилий? Сам!!

Катилий кивнул.

Когда прощались, Аттиан неожиданно рассмеялся:

– Это, Катилий, ты неплохо придумал – «добряк»! Я согласен – пусть будет «добряк». А еще лучше – «тюфяк». И точно, и не без намека...

После ухода Аттиана Катилию Северу долго было не по себе. Как ни выворачивай ситуацию, вывод мог быть только один – они посягнули на законную власть.

В душе тенью отозвалась злорадная мыслишка: *зачем?* Тенью там же оформилось: «...В чем ты нуждаешься, чтобы принять участие в смертельно опасной игре Аттиана?»

* * *

Новый император принял все условия, кроме публичной амнистии Квинту Марцию Турбону, бывшему префекту гвардейской конницы, затем командующему Мизенским

флотом, ставшему затем прокуратором Мавритании.

В согласительной комиссии Тит Антонин заявил, что, имея на руках неопровержимые улики, включавшие письма Турбона, его письменные приказы, полностью изобличающие его в подготовке заговора против верховной власти, он как гражданин и преемник божественного Адриана, несущий ответственность за благосостояние Римской державы, не может пойти на поводу страстей.

Затем добавил:

– Беснаказанность есть худшая форма поощрения. Злодеяния, как совершенные, так и планируемые, прощены быть не могут.

В ответ Ацилий Аттиан потребовал от нового принцепса публичного подтверждения прав сената и принятых им постановлений.

Тот согласился, и в храме Божественного Юлия сменивший прежнего императора Цезарь Тит Элий Адриан Антонин Август дал клятву в верности обычаям и установлениям римского народа.

* * *

Обожествление Адриана прошло с пунктуальным соблюдением всех требований, сопутствовавших погребению божественного Октавиана Августа.

В городе был объявлен траур. Строго по значимости со-

вершались все полагавшиеся в этом случае религиозные обряды. Из воска со всей тщательностью была изготовлена фигура умершего – его точное подобие. Это изображение было помещено на огромном ложе из слоновой кости, поставленном у входа в императорский дворец на разостланные золотые ковры.

Восковой фигуре императора, выставленной на всеобщее обозрение, были оказаны все подобавшие посмертные почести. Все светлое время суток с левой стороны сидели сенаторы, облаченные в черное. Справа сидели женщины, мужья или отцы которых пользовались в Риме особым авторитетом и уважением. По обе стороны от ложа были воздвигнуты подмостки; с одной стороны разместился хор юношей, а напротив него – хор девушек из самых знатных семей. И те и другие пели скорбные гимны в честь умершего властителя.

Время от времени к ложу подходили врачи, «осматривали» больного, каждый раз объявляя во всеуслышание, что состояние его ухудшается. Наконец было объявлено, что император скончался.

Знатнейшие и известнейшие молодые люди всаднического и сенаторского сословий приблизились к погребальному ложу, подняли его на плечи и понесли по Священной улице (via Sacra) на старый римский форум.

Здесь, после очередного прощания, ложе вновь подняли и отнесли на Марсово поле, где уже был выстроен квадратный деревянный сруб, изнутри заполненный хворостом, а снару-

жи украшенный златоткаными коврами, фигурками из слоновой кости, цветными росписями.

Антонин как наследник покойного взял пылающий факел и поднес его к деревянной постройке. Сруб вспыхнул, и столб огня взвился на огромную высоту.

На следующий день на первом после окончания траура заседании сената Валерий Деций Гомул, не отказавший себе в удовольствии прочитать чрезвычайно хвалебную речь в честь нового принцепса, призвал коллег объявить Тита Элия Антонина Благочестивым – то есть Пием, – так как только по его настойчивому предложению сенат и римский народ согласились увековечить имя предыдущего правителя таким достойным пиететом.

Предложение Гомула было встречено длительной овацией, о которой Цивика Барбар, известный остро слов и насмешник, выразился просто и по существу:

– Дозвольте от имени сената и римского народа приветствовать нашего дорогого новоявленного «благочестивца».

Глава 5

Будни начались со стычки, устроенной прежним префектом города Марком Гавием Максимом и вновь назначенным Юлием Катилием Севером.

В четвертом часу¹⁸, когда Катилий во главе группы своих вольноотпущенников и рабов собрался войти в здание префектуры, расположенной в начале Субуры, путь им преградили вольноотпущенники и рабы Максима.

Субуру – улицу, протянувшуюся в долине между Опийским и Виминальским холмами, называли «кипящей» из-за бесчисленного людского потока, сновавшего здесь. Понятно, что начавшаяся словесная перепалка привлекла массу заинтересованных прохожих.

Марк Гавий настаивал на том, что срок его полномочий истекал не раньше следующих октябрьских календ (1 октября). К тому же никаких письменных указаний он не получал, так что уважаемый Катилий может отправляться домой и не создавать лишних трудностей в работе такого важного учреждения, каким являлась римская префектура, следящая за соблюдением порядка на улицах священного города.

В противном случае...

Катилий дал знак, и его приспешники попытались силой вломиться в здание, однако их натиск был отбит.

... Не прошло и получаса, как со стороны форума Веспасиана в сопровождении своего секретаря и двух рабов к месту потасовки подошел новый цезарь и «благодетель римского народа» Тит Антонин.

В его присутствии страсти улеглись, и новый принцепс,

¹⁸ В десятом часу утра. Отсчет времени в Риме начинался с шести часов утра.

полуобняв обоих распалившихся магистратов, вошел с ними в здание.

Появились они ближе к полудню, когда тени в Риме укоротились до предела.

Выйдя к толпе, новый отец отечества вскинул руку.

Собравшиеся, которых к тому моменту сбежалось столько, что не только по Субуре, но и по прилегающим улицам, включая ближайšie форумы, пройти было невозможно, затаили дыхание.

– Вопрос улажен, к обоюдному согласию, – объявил император. – До конца срока полномочий делами заведует всадник Марк Гавий, а затем его сменит всадник Катилий Север, уже известный вам своей решительностью и опытом. По случаю объявленного примирения в конце месяца я назначаю трехдневные гладиаторские бои. Бойцы будут представлять мою школу. Это лучшие из лучших. Гражданам также будет роздана дополнительная мера хлеба.

Толпа встретила это решение воплями восторга.

С легким недоумением Сацердата, прятаящийся в толпе, воспринял это решение. Правда, радость, охватившая горожан при известии, что спор между двумя магистратами решен миром, тоже не обошла его стороной. Меньше всего его привлекали игры гладиаторов и раздача хлеба. Подбодрило другое – схватка чиновников! В течение полутора месяцев в городе не будет твердой полицейской власти! Нельзя было

упускать это время бестолкового безвластия.

Это был первый день, когда Сацердата отважился выйти в город. Пора было присмотреться к памятным, уже подзабытым уголкам большого Рима, посетить людные места, заглянуть в таверны – может, где мелькнет знакомое лицо?

Хотелось заглянуть в лавки, через которые когда-то сбывали добытый товар и заодно, случалось, прятались, пока Сацердата крепко не встал на ноги и не обзавелся собственной мастерской по изготовлению надгробных памятников. Устроена мастерская была в одном из домов на Яремной улице. Там было все, что требовалось для безбедного проживания в Риме: крепкая ограда, баня с бассейном, боковые выходы на соседние улицы, просторные подвалы...

Осмотр не доставил ему радости, и если бы не стычка у городской префектуры, ему снова пришлось бы затаиться. Найти прежних дружков оказалось невозможно. Прежние известные ему лавки позакрывались, на их месте построили доходные четырех-, а то и пятиэтажные дома-инсулы. Мастерская сохранилась, но за эти годы несколько раз меняла хозяев, так что добиться ее возврата было невозможно.

Разве что пригрозить новому хозяину, однако это был негодный выбор. Наверняка засветишься, а это никак не входило в планы Антиарха. Гоняясь за малым, как бы не упустить большое – Сацердата всегда придерживался этой мудрости.

Еще час назад, прогуливаясь по рынкам, ему мерещилась

мечта о собственном надежном и безопасном гнезде. Как ни крути, лучшего места, чем усадьба его бывшего покровителя, сенатора Аквилия Регула, не найти. Там и места побольше, и расположена она за Тибром в тихом безлюдном месте.

...Вспомнилось поместье сенатора – просторный домина со многими входами и выходами, с темными клетушками, в которых Регул держал искалеченных им рабов. Любил сенатор поиздеваться над подвластными ему людьми... В любом случае этот особняк да плюс приданое, которое давали за ним – по меньшей мере сто тридцать миллионов сестерциев! – являлись самой заветной мечтой, позволившей бы ему прочно обосноваться в Риме.

...Разве можно сравнить просторное сенаторское гнездо с тем домом, куда Витразин привел старого друга, хотя усадьба Манилия Опра на Циспийском холме неподалеку от храма Юноны Светоносной, по римским понятиям, тоже считалась вполне приличной. Досталась она хозяйке по завещанию бывшего владельца, далеко не безбедного откупщика. Поддавшись на ласки молоденькой рабыни, он сначала дал ей вольную, потом записал на нее свое римское жилье. Поля и угодья Манилий оставил сестре, которая попыталась было судиться с мошенницей и шлюхой-вольнотпущенницей, однако ничего не вышло. Денег, оставленных Манилием, наследнице хватило, чтобы нанять опытного адво-

ката, который в два счета сумел доказать судьям, что, во-первых, прежний хозяин всегда был не в ладах с сестрой, пытавшейся однажды стащить из его дома семейную реликвию. Он привел большую толпу горластых свидетелей, которые, беззастенчиво ссылаясь на богов, дружно подтвердили, что сестра была нечиста на руку, а насчет новой хозяйки городского дома все, как один, поклялись, будто эта юная дева чрезвычайно бережно заботилась о хозяине и не наградить такую помощницу было бы верхом неблагодарности.

Манилия встретила Сацердату не то чтобы надменно, а просто никак не встретила. Она даже не вышла к новому арендатору, которого привел «властитель ее снов и врачеватель душевной хвори», как отзывалась она о Витразине. Гостей встретил ее домашний прокуратор или распорядитель Ватия – благообразный, заметно отъевшийся мужчина средних лет с маленькими ручками и ножками.

Он показал Антиарху три комнатенки на антресолях, одна из которых предназначалась для самого Антиарха, другая для Пантеи, а третья для Исфаила и Викса, считавшегося братом Пантеи. Комнаты располагались в конце коридора, откуда по крутой, высокой и расшатанной лестнице можно было спуститься на соседнюю улицу, а также выйти во внутренний дворик, разбитый между атрием и перистилем. На этом пути лестница была короткой – всего три ступеньки.

Первым делом Антиарх приказал Исфаилу и Виксу починить обе лестницы, чтобы ступеньки не скрипели и не под-

ломались, и переделать запоры на дверях запасного выхода на улицу, чтобы был прочен и не гремел.

Ватия равнодушно указал, где лежат инструменты, и удалился.

– Доски и новый запор раздобудете сами...

Когда Исфаил, спустившись во дворик, объявил старику, что все готово, Антиарх вошел в дом. Оттуда послышался скрип ступенек, затем звуки стихли, и через несколько минут старик, появившись в дверях, коротко распорядился:

– Переделать!

Исфаил попытался было возразить, однако старик подошел к нему, легким касанием посоха заставил чернокожего раба передвинуться и замахнулся на падавшую от Исфаила тень.

Тот как ошпаренный бросился к входу на внутреннюю лестницу. За ним, изменившись в лице, поспешил Викс. Скоро оттуда донесся скрип отдираемых досок и стук молотка.

Ватия, с ленивой усмешкой наблюдавший за этой сценой, засмеялся:

– Что ж не ударил? Тень, что ли, пожалел?

– Зачем тень! Работника пожалел.

Ватия окончательно развеселился:

– Тени разве больно?

– А ты встань на место Исфаила, а я ударю.

– Ишь ты, хитрый какой! Вот на ней попробуй.

Он схватил лежавшую рядом кошку и, вытянув руку, приблизил извивающуюся и орущую тень ближе к старику.

Тот легонько ударил по ее тени.

Кошка нестерпимо взвизгнула и вцепилась в руку Ватии. Тот отбросил ее в сторону.

Из окна долетел голос хозяйки:

– Ватия, скажи старику, чтобы больше так не делал!

Антиарх встал, повернулся в сторону распахнутого окна и, отряхнувшись, поклонился.

Глава 6

Вечером Витразин навестил старика и заявил, что до сих пор не сообщил в префектуру о его появлении.

– Так и не смог улучшить момент. И кому стучать – новому префекту или прежнему.

– Ну и ладно, – легко согласился Антиарх. – Нарыл что-нибудь?

– Так, по мелочи.

– Давай рассказывай.

– Этот Лупа из дакийцев. Происхождения, говорят, знатного. Сын Амброзона, дружка Децебала, который руководил обороной какой-то приграничной крепости. В качестве добычи достался Ларцию Лонгу, всаднику...

– Это мне известно, – кивнул Антиарх. – Что еще?..

– В Риме Лупа приглянулся Траяну, и тот захотел взять

его в эроменосы, однако мальчишка отказался. Более того, во время доверительного разговора гаденыш признался, будто мечтал совершить покушение на императора, а тот якобы сумел отговорить его от пагубного намерения. Регул как раз и сгорел на этом – купил Лупу и в пылу верноподданнических чувств приказал обезобразить мальчишку. Отрезал ноздри, на лбу выжег «malus»¹⁹. Местные врачеватели все это искусно замаскировали. Еще бы не замаскировать. – Витразин хихикнул. – С такими деньжищами. Однако на этот раз хитроумный Регул просчитался. Ты помнишь Траяна? Оказалось, принцепс очень даже гордился этой историей с перевоспитанием дакского волчонка. Императора так и подмывало сделать своих подданных хотя бы чуточку лучше. Тебе тогда тоже досталось.

Старик кивнул – как можно было забыть ужас, который охватил его, когда префект гвардейской конницы Бебий Корнелий Лонг схватил его в мастерской по изготовлению надгробных памятников. Хвала Христу, он тогда не потерял голову. Регул, опасаясь разоблачения в соучастии, подкупил хозяина гладиаторской школы, и тот помог Сацердате бежать.

Как забыть двадцать лет непрерывных скитаний!!

В Антиохии разбойнику повезло встретить неких безумцев, уверовавших в некоего Христа. Те познакомили его со

¹⁹ «Злодей», «негодяй».

своим наставником по имени Елказаит, или Елксей.

Елксей был из бродячих сирийских фокусников, хотя называл себя магом. Его навыки обращения со зрителями очень помогли ему вербовать сторонников.

Одно время за Елксеем по Антиохии, Пальмире, Дурр-Европосу толпы ходили...

Выбора у Сацердаты не было, и он примкнул к елказаитам.

Заповедь первая: от императорских ищеек легче укрыться в толпе.

Заповедь вторая: самые надежные сообщники – единоверцы.

Он к тому же учел, что после обряда посвящения неофитам меняли имена.

Так он стал Антиархом...

Приглянулись ему и наставления Елксея, учившего – только вера имеет значение. Во имя веры можно простить любое преступление, любое злодейство.

Елксей утверждал – только тот, кто сердцем принял учение Христоса, воскресшего после позорной смерти на кресте... только тот, кто шеей своей изведает остроту клинка или петлю палача, достоин узреть истину.

Истина в том, что только «посвященному» откроется вход в царство небесное. Только «посвященным», которых рукой Елксея благословлял Христ, доступно понимание, что разум

– это ничто, а желание – все!

Эти заповеди пришлись Сацердате по вкусу. Обернувшись Антиархом, он включил их в свое местничество.

Очень скоро новообращенный стал не только «посвященным», но и первым помощником Елксея.

...Согласно его учению, сам Христос был послан на землю Господом нашим Демиургом для спасения тех, кому можно было доверить сокровенную истину, или «божью тайну». Эта истина была запечатана в Книге откровений, которую, по словам основателя секты, ему вручил Ангел пятидесятикилометрового роста. Только «посвященных» Елксей знакомил с выдержками из этой книги.

Таких было немного.

...Когда Антиарх сумел войти к Елксею в доверие, тот преподал еще одну заповедь: «Как хочу, так и велю! Что разум? Желание важно».

Потом еще одну: «Слова – это пустое. Путь к истине лежит через обретение поддержки сильных мира сего. Через них и воцаримся!.. Но для этого следует многому научиться из того, чего нельзя открывать толпе и новообращенным».

...Что касается назаретян²⁰, которые исповедовали Иисуса как Христа, или Спасителя, Елксей отзывался о них пре-

²⁰ Последователей Иисуса Христа и его апостолов.

небрежительно. При этом обязательно добавлял:

– Этих надо улавливать в первую очередь. Исходящий от них свет надо в равной пропорции смешивать с тьмой.

Старик, ухмыльнувшись, припомнил, с каким пренебрежительным легкомыслием он вначале отнесся к бредням Елксея.

Если бы не толпы спешивших «посвятиться»...

Если бы не вопли вновь обращенных, встречавших бывшего фокусника криками: «наместник!», «божий наместник!», «судья!», «пророк!»...

Если бы собственными глазами не узрел, как однажды наставник добыл огонь дыханием...

Если бы не поразила его волшебной силе, которой подчинялись даже тени.

Так определилась цель скитаний – не спасение собственной жизни заставляло Сацердату постоянно менять места жительства, а служение Христу, раздвинувшему многокилометровые ноги и вставшему врасстырку на границе света и тьмы.

Третья заповедь от Сацердаты родилась в Вифинии, куда он сбежал после неудавшегося покушения на Адриана – тот, кто владеет сумерками, свободен перемещаться из света в тень и обратно.

Наверное, в награду ему повезло наткнуться в ночи на

черный бесформенный человеческий обрубок, лишенный признаков жизни. Оглядев громадного чернокожего, он уже собрался покинуть его, как тот попросил о помощи.

– Что взамен? – поинтересовался Сацердата.

– Буду служить тебе двадцать лет, пока не отомрет твоя душа.

– Тридцать, – возразил Сацердата.

– По рукам! – согласился чернокожий увалень.

Потом к ним прибилась Пантея, она же Зана, Лолия, Бендита, сбежавшая из храма Астарты, где ее за дерзкое непослушание (она не желала делиться со жрецами заработанными обрядами священного соития деньгами) приговорили к страшной казни на священном фаллосе. Пантея познакомила беглого старикашку со своим «братом» Виксом, или иначе – Википедом. Этот хитрец, прикидывающийся несмышленным мальчишкой, был тот еще проныра. Ростом с десятилетнего пацана и детским выражением личика, Викс мог объегорить кого угодно.

Но не Сацердату. Бывший разбойник чего только в Риме не навидался...

Он и у Викса выторговал тридцать лет беспрекословного служения и исполнения всех прихотей и выдумок хозяина.

Потом много чего было – разрыв с Елказаитом, не пожелавшим поделиться с Сацердатой Книгой откровений, и его преемником Епифанием.

Отклонил он и приглашение примкнуть к последователям некоего Карпократа, утверждавшего, что кроме веры для благоденствия и спасения души нужна любовь. Все остальные тяготы, выдуманные обществом, – особенно законы, в лучшем случае нейтральны. Ради спасения, настаивал Карпократ, человек имеет право преступить закон, иначе ему не вырваться из оков низших сил и не прервать цепь перевоплощений.

Избегнул он и тенет Каинита, который учил, что только Каин, а не этот щедушный Авель является родоначальником избранных. Именно против потомков Каина творец мира сего, некий «Созидатель», направляет свои злоумышления. Это его велением были разрушены Содом и Гоморра.

Каинит утверждал: этот мир, творение Мировой Матки, должен быть разрушен до основания.

А затем...

О том, что «затем», догадался Иуда и тайно прёдал лжеучителя Иисуса из Назарета, чем разрушил свое греховное плотское тело и обрел божественное, духовное. Так учил Каинит. Только такое служение, не позволенное всем остальным, разрешено и необходимо «посвященным».

Спустя несколько лет эти тонкости в замысловатых верованиях, иступленных пророчествах и мысленных безумствах тех или иных восхваляемых и гонимых «учителей» уже мало волновали Сацердату. Он полагал, что ему достаточно святости – он сумел обрести силу, – и лишнее знание ему

только во вред.

...Одно время заинтересовал его некий Гегезип, сумевший мановением руки разделить окружающую действительность на видимое царство, в котором господствовал Свет, и незримые пространства Тьмы. Этот самый Гегезип славился умением вырезать профили по тени. Он утверждал, будто Тьма якобы предстает перед людьми в виде Тени, которая в обыденной жизни способна распасться на тысячи обычных, мелких, рядовых теней, сопровождающих каждого из нас от рождения и до смерти.

Все боги мира и уверовавшие в них люди заявляют, что ничего не существовало до Хаоса, однако Гегезип настаивал: все вы заблуждаетесь, поскольку никогда не слышали ни о происхождении Хаоса, ни о его истоках... Хаос якобы вылупился из Тени и был назван «Тьмой»; а Тень, в свою очередь, произошла от труда, что существовал с самого начала.

Более того, между Светом порожденным и низшими пространствами существует завеса. Так вот тень простирается под завесой, то есть на той ее стороне, которая повернута от света. Тень, которая назвалась «Тьма», стала материей; и эта материя произвела выкидыш – то есть некоего богоподобного творца с мордой льва. Звали его Иалдаваоф.

Гегезип утверждал – мол, из этой материи якобы выросла раса богов. Затем Тень вдруг осознала, что есть кто-то или что-то сильнее ее. Она стала ревнива и, тотчас забеременев,

дала рождение Зависти.

Все эти бредовые фантазии мало интересовали Сацердату. Его внимание привлекли чудеса, творимые Гегезипом. Когда на его глазах пророк ударом палки по тени горшка разбил его, он, вразумленный, уже неотрывно наблюдал за священнодействием, в конце которого Гегезип сумел отделить свою тень от собственного тела и заставил выполнять его повеления. Вот когда Сацердата осознал, что есть истина.

Он примкнул к этой секте, называющей себя «ловцами теней», куда привлек и своих подручных – громадного эфиопа, называвшего себя воплощением богини закатных сумерек и темноты Каукет, а также мальчишку Викса, которому, как заверил он Гегезипа, скоро стукнет триста лет.

Однако содружество Гегезипа и Антиарха продолжалось недолго – только до того момента, когда Антиарх осознал в себе внутреннюю силу, порождаемую Тьмой, и овладел некоторыми приемами обращения с тенями. Не простившись, Антиарх сбежал от своего наставника в Египет, где обосновался в заброшенном поселении в среднем течении Нила.

Здесь он, отыскавший в себе зачатки божественного вдохновения и поклонившись Каукет, создал свой театр теней, с которым было не страшно отправиться на гастроли в Рим.

Случай не заставил себя ждать. Появление в поселении римлян, сопровождавших императрицу, вдохнуло в него надежду, а удача, которой наградила его Каукет, позволившая расправиться с Антиноем, придала ему уверенности и пома-

нила доступностью цели...

Об этом он мечтал всю свою несносную и замысловатую жизнь – убрать с пути негодяя Лупу, завладеть громадным наследством сенатора Регула, чтобы полноправно осесть в Риме, откуда уже без особых помех можно было запустить свои щупальца-тени по всему миру.

– ...Насчет Лупы мне все известно, – прервал он Витразина, распалившегося от одной только мысли, что какой-то дакийский волчонок сумел обойти его, Витразина, в умении добывать себе честь не по чину и славу не по заслугам. – Что ты можешь сказать о частной жизни нашего любимца?

– Я поручил своему человеку отыскать какого-нибудь болтливого слугу в доме отпущенника. Скоро он все разузнает.

«Хитер, мошенник! – восхитился старик. – Вроде бы и помог прежнему наставнику и в то же время ничего лишнего не сказал. Это ладно. С такого, как Витразин, хотя бы шерсти клок», – а вслух добавил:

– Витразин, благодарю тебя за доброе ко мне отношение. Порекомендуй какого-нибудь отважного человека, которому все равно, каким способом добыть деньги.

– Ты можешь найти его в харчевне «Три пескаря», что на Бычьем рынке. Зовут его Опрамоаса, но лучше обращаться к нему Террорин. Сошлешься на меня.

Когда Витразин покинул Антиарха, тот немедленно позвал Вика и приказал ему наладить добрые отношения с хозяйкой.

– И не тяни. У нас в запасе полтора месяца. Пока наверху дерутся.

В тот же вечер Википед на глазах у хозяйки покормил кошку, погладил ее и был допущен до разговора. Плевое дело – прикинуться сиротой (что было неправдой), дакийцем (что было правдой), в детстве вывезенным из-за Данувия и сумевшим прибиться к Антиарху – этому прозорливому, много повидавшему и много знающему наставнику. Старик на пальцах объяснил ему, глупому несмышленишу, что земная жизнь – это юдоль греха и надо стремиться туда...

Вик указал рукой на облака, высоко плывущие над вечным Римом – туда, туда...

Манилия – грозная красивая дама в греческой пале и накидке, сброшенной на плечи, – приказала:

– Пусть зайдет ко мне.

Глава 7

История Опрамоасы была стара, как сумерки.

Скорее вечерние, чем утренние... К такому выводу пришел Антиарх, когда впервые встретился с бывшим гладиатором из варваров.

Опрамоаса был калека – левая кисть его была отрублена, что, по словам грузного и крепко выпившего дака, не мешало ему «вправлять мозги тем, кто плохо относится к Витразину».

После этих слов он подозрительно взглянул на старика:

– Как ты относишься к герою арены?

– Лучше некуда!

– Смотри, а то Террорин, – он указал на себя обрубок, – быстро намнет тебе бока.

– Одной рукой? – изумился Антиарх.

– Одной рукой я владею лучше, чем кое-кто двумя.

В правой руке Опрамоасы неожиданно блеснул нож. Он повертел его между пальцев, затем обрубок левой руки указал Антиарху куда-то в сторону, и нож исчез в рукаве.

Антиарх не поддался на уловку и продолжал пристально следить за крупным, ведущим себя нарочито уверенно варваром.

Потом старик попросил:

– Дай-ка мне сикарий!

Дак протянул старику нож.

Антиарх накрыл его рукой, а когда поднял руку, ножа не было.

– Ты фокусник? – удивился дак. – Случаем, не из наших?

Старик промолчал, потом заявил:

– Играть сикарием – дело нехитрое. На, возьми... И без нужды не показывай. Чем ты занимался у Витразина?

Дак, понимая, что наклеывается заказ, сбавил понт и развел руками:

– Так, по мелочи. Мы с Витразином старинные друзья. Закон не нарушаем. Наоборот, чуть кто-то где-то вякнет насчет закона, мы ему быстро объясним, что старших надо уважать и не соваться за подрядами, не отблагодарив похлопотавшего за тебя хозяина.

...Отсюда следовало, что, для того чтобы добыть заказ, надо пригласить в помощь такого, как сидящий напротив дак. Дела все мелкие, не того ранжира исполнитель требовался Антиарху.

– А до Витразина где обретался?

Опрамоаса усмехнулся:

– Есть тут один, называющий себя Люпусианом.

Антиарх носом почуял поживу, однако спросил тихо, безмятежно, только ради того, чтобы поддержать разговор:

– Какое отношение ты имеешь к Люпусиану?

– Это давняя история, – уклончиво ответил дак.

– Ничего, я послушаю.

– Был у него рабом, – признался Опрамоаса, затем мгновенно обозлился. – А ведь я из княжеской семьи! Мой отец – Диупарней, а кто такой этот Лупа, сын Амбронза?! Так, мелочь, выдвинувшаяся при Децебале. Я участвовал в обряде отбора гонца, которого отправили к небесному отцу Замолксису, а он где отирался? После разгрома под Тапами я

попал в рабы, и к кому – к своему бывшему земляку из худого рода.

Опрамоаса махнул рукой.

Антиарх поинтересовался:

– Но ведь ты не сразу попал к Люпусуану?

– Конечно, нет. Сначала меня сослали в каменоломни, но до них я не добрался. Ланиста из Анконы купил меня и еще пару наших и увез к себе в гладиаторскую школу. Там нас и отыскал Лупа. Он предложил выкупить нас с условием, что мы составим надежную охрану его дома в Риме. Мы, конечно, согласились. Любой согласился бы... Не так ли, старик?

– Что было дальше.

– Ну, мы ехали, радовались – теперь нам не придется резать друг друга на арене, а когда приехали, обомлели. Мы как рассчитывали, Лупа – вольноотпущенник, набрал нас по приказу своего хозяина. Все-таки лучше, чтобы за нами присматривал свой человек. Как считаешь, старик?

Антиарх не ответил. Зачем отвечать – ясно было, что Опрамоаса сидит на мели, если не при последнем издыхании.

– А оно вон как обернулось... – продолжил дакиец. – Старик, закажи вино, душа горит. Не бойся, буянить не буду.

– Я не боюсь, – заверил его Антиарх. – Витразин рекомендовал тебя как разумного и решительного человека, желающего и умеющего не упустить удачу. Она перед тобой, Опрамоаса.

– Ты, что ли? – скептически ухмыльнулся дак.

– Я... – подтвердил Антиарх. – Рассказывай дальше.

– Что дальше! Приехали, осмотрелись и чуть разума не лишились. Какой-то сын Амброзона, природный волчонок, вдруг оказался хозяином громадного дома и огромной кучи денег. Скажи, старик, с каких таких заслуг?

– Что было дальше? – потребовал Антиарх. Он уже уверенно вел беседу. Хвала Христу, он, кажется, нашел нужного человека, если бы только у этого бродяги были мозги, а не одна только кипящая зависть и отшибающая мозги жадность.

– Через полгода все это объявленное братство, обязательная верность и ежедневная благодарность стали донимать меня хуже чесночной приправы, которой кормили нас на кухне.

– Ты не любишь чесночную приправу, особенно если полить ею гороховую кашу с мясом?

– Если каждый день одно и то же, не только разлюбишь, но и взвоешь. А этому наверх носили и то, и это. По какому праву, старик?

– Что ты все о правах! Право – это тьфу, пустяк. Твое право – желание.

– Это верно, но я уже не мог совладать с собой. В общем, меня связали... Этот негодяй предложил мне самому выбрать свою судьбу – отправить к префекту, в провинцию на сельские работы, или на арену. Я выбрал арену. Этот ис-

калеченный звереныш даже удивился. Тебе, Опрамоаса, не дорога твоя жизнь? Я ответил: дорога, и я постараюсь продать ее подороже. И не ошибся... А может, ошибся. Как посмотреть, старик...

– Смотри прямо в глаза. Мне в глаза...

Дак уставился на Антиарха. Они долго разглядывали друг друга, потом дак рассмеялся:

– Я знаю эти штучки. Ты пытался извлечь из меня душу и сделать послушным рабом?

– Ты угадал. Ты, оказывается, крепкий парень, Опрамоаса. Тебе еще бы мозги поизвилистей, цены бы не было.

– Это ты, что ли, собрался мне мозги закрутить?

– Нет, ты сам, но с моей помощью.

– Пока я не слышал от тебя ни одного дельного слова. Зачем тебе моя история? Неужели ты такой дока в разглядывании людей, что можешь определить, у кого что за душой.

– Конечно, и ты только что доказал это. Давай вернемся к нашим баранам. Расскажи подробнее о Люпусиане, его жизни в Дакии, его семье.

– Какая у этого безродного семья. Хотя нет, мать у него римлянка. Амбронзон выкрал ее за Данувием (Дунаем), а когда она родила ему четырех детей...

– Каких именно?

– Этого Лупу. Он был младший, а до этого трех сестер. Когда римские собаки обрушились на наш край, Лупа попал в Рим в дом всадника Ларция Лонга, потом угодил в лапы

к сенатору Регулу, который исковеркал ему лицо – жаль, не убил выскочку и подлипалу. Сестер тоже продали в рабство – старшую Лупа отыскал в Медиолане (Милане), еще одну в Анконе. У этой, говорят, были дети – мальчик и девочка. Кто старший, кто младший, не знаю. О младшей сестре никаких известий нет. Я даже ездил в Виминаций проследить, куда и кто разобрал рабынь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.